

ГАЛИНА РОМАНОВА

РАСПЛАТА ЗА НАИВНОСТЪ

Галина Владимировна Романова

Расплата за наивность

Серия «Детективы Галины Романовой. Метод Женщины»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167399
Расплата за наивность: Эксмо-Пресс; М.: 2000
ISBN 5-04-005008-9

Аннотация

Смерть идет за ней следом, не щадя людей, которые оказывают ей помощь. Чтобы выжить, ей приходится стать сыщиком и зверем, познать, что не всякий друг – надежен, не всякий преступник – враг... А все началось весенним утром, когда молодая мать – одиночка Аллочка нашла в луже дорогой бумажник с тысячей баксов и небольшой металлической платой...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

ЧАСТЬ 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

104

Галина Романова

Расплата за наивность

*«Мы не знаем, сколько продлится наша любовь,
как не знаем, сколько продлится наша жизнь».*
Ларошфуко

ЧАСТЬ 1

С утра зарядил нудный дождь. Вот тебе и весна! Когда такая погода, тут уж не до хорошего настроения. А если все трещит по швам, то вообще...

«Нужно где-то раздобыть денег. Если завтра не заплачу за садик, Стаське откажут в месте. И сапоги текут. Надо же было еще и дождю этому пойти!» – Алка с тоской смотрела на хмурящееся небо.

Она собралась переходить дорогу, когда какой-то лихач на бешеной скорости врезался в самый центр лужи, через которую ей предстояло еще переправиться. Брызги оросили ее лицо, и живительной эту влагу можно было назвать с очень большой натяжкой.

– Нормально! Что дальше? Денек лучше некуда. Куда же здесь наступать, – ворчала Алла, нацеливаясь на единственный кирпич, торчавший в середине лужи. Поставив одну ногу, она совсем было собралась прыгнуть на сухой участок,

но определенно что-то сегодня было не то с координацией движений, потому что каблучок упрямо пополз с кирпича и вторая нога благополучно зачерпнула водички по самую щиколотку, попутно поддев что-то со дна этого, с позволения сказать, озера. – Так, а это что ж такое, – чуть не со слезами пробормотала Алла.

На краю лужи лежал мужской бумажник! Самый настоящий бумажник. Опасливо озираясь, она нагнулась, подхватила находку и кинула в пакет.

– Потом рассмотрю, вдруг ребята шутят, – но против обыкновения рядом никого не было и в кустах никто не хихикал, только алкаш ходил кругами и собирал бутылки. – Надо лететь, а то опоздаю да нарвусь еще на недовольный взгляд начальника.

Рабочий день подходил к концу. Это был самый длинный день за последнее время. Находка жгла каленым железом, любопытство распирало аж до головной боли: «Скорей бы домой».

Закрыв квартиру на замок, еле успев сбросить сырые сапоги, Аллочка кинулась на кухню, вытрясла содержимое пакета на кухонный стол и принялась с пристрастием рассматривать.

– Так... портмоне кожаное, по всей видимости, дорогое, если, полежав в луже, почти не пострадало, – приговаривая, она медленно и осторожно растянула его, как будто оно

могло исчезнуть или взорваться – Вот это да! – прямо на нее смотрело лицо греческого бога.

Под слюдой была вставлена фотография мужчины, причем настолько красивого, что у бедной Аллочки дыхание перехватило: «Везет же некоторым!» Заглядывая поочередно во множественные отделения, она извлекла на свет божий водительские права международного класса на имя Портнова Игоря Ивановича, какие-то обрывки бумаг с номерами телефонов и внушительную пачку долларов. Не столь уж толстую, но плотненькую.

Боже ты мой! Боже ты мой! Ей хотелось скакать, летать и неизвестно что еще делать от ликования. Кинувшись пересчитывать деньги, Алла не сразу обратила внимание на плоскую железку, выскользнувшую из потайного кармашка бумажника.

«Тысяча баксов, вот привалило-то, да так можно хоть каждый день нырять в лужи, – но умом понимала, что молния дважды в одно место не ударяет. – Денежки! Как вас много, как же вы своевременно!»

Аллачка считала их, пересчитывала по нескольку раз, боясь поверить в свою удачу.

«Так, все, пора в садик за Стасом, а то на радостях и про ребенка забыла. Вот кутнем сегодня, так кутнем. Надо все быстренько убрать, чтобы малыш лишних вопросов не задавал, а то со своей любознательностью и детской непосредственностью подведет мать под монастырь, – начав приби-

рать стол, Алла наконец заметила то, на что до сего времени не обращала внимания. – А это что за штуковина такая?». В руках у нее была маленькая плата, во всяком случае напоминавшая таковую, 5 на 5 см, со множеством хромированных мельчайших деталек, впаянных то там то сям. «Ерунда какая-то, зачем хранить в бумажнике какую-то плату? Если только этот парень Игореша не телемастер, но, судя по прикиду и внешности на фотке, на телемастера явно не тянет, да и штука баксов просто так в бумажнике не у каждого бывает. Что-то тут не так – рассуждала она про себя. – Ладно, забегу к Сереге, этажом выше, все равно деньги где-то обменять надо, не в банк же идти. В нашем захолустье сразу все станет известно. Откуда, скажут, у Алки доллары? А Серега парень верный, да и в электронике рубит как никто, так что и про плату спрошу».

Праздничный семейный ужин подходил к концу. Стаськина рожица прямо сияла от удовольствия:

– Мамуля, ты сегодня зарплату получила?!

– Да, сыночка, получила, – Алка загрустила. Эту зарплату уже четвертый месяц задерживают, приходится перебиваться шабашками. – Ты кушай, кушай.

Мордочка сына вся была перемазана шоколадом, кремом и излучала такую радость, что у Алки сердце заныло.

– Все, милый, давай уберемся, ты поиграешь, а я к дяде Сереже поднимусь, спрошу – не починил ли наш магнито-

фон, хорошо?

– Хорошо, мамуль, только ты недолго, я ж без тебя не могу.

Сергея открыл только на пятый звонок.

– Спишь, что ли?

– Нет, работаю, – недовольно скользнув по Алке взглядом, он двинулся на кухню, где у него была импровизированная телемастерская. – Чего приперлась?

– Ты сама любезность, – фыркнула Алла. – Раз в месяц захожу, должен был соскучиться, а ты вроде как не рад?

– Ладно, не заводись, – примирительно протянул Серега. – Случилось что-то важное, раз моя несравненная почтила меня своим присутствием? Ведь так, я прав?

– Как всегда, – судорожно вздохнув и потупив глазки, Аллочка промямлила: – Сереженька, ты мне баксы не обменяешь?

– Сколько?

– Штуку.

Пауза после этой фразы грозила перерасти в немую сцену из благословенного произведения известного классика. Серега резко развернулся на своем стуле-вертушке и пригвоздил ее взглядом. Аллочка заерзала под этим взглядом.

– С ума сойти! Как растет благосостояние российских матерей-одинок! Где ж ты банк сорвала, мышка ты моя? – Серега, напряженно прищурившись, смотрел на нее в упор. – Или на панель решила пойти на старости-то лет? Так на тебя

там спросу нет, параметры твои далеки от мировых стандартов, да и чтобы срубить такую сумму, сколько трудиться-то надо, а?

– Помнится, не в столь далеком прошлом ты от моих стандартов был без ума, – съязвила Алла, – замуж даже звал, причем очень настойчиво и не раз.

Вот этого говорить не следовало, потому что лицо его приобрело землистый оттенок и он рявкнул что есть мочи:

– Где баксы взяла, тварь?! Говори!

– Нашла! И не ори на меня! Я не какая-нибудь там... – Алла шмыгнула носом и уткнула голову в грудь.

Надо сказать, Серега не переносил женских слез вообще, а ее слез не переносил особенно, сработало и на этот раз:

– Ладно, не обижайся, рассказывай, – примирительно буркнул он, – только не ври, потому как знаю я тебя не первый год, и когда ты начинаешь врать, знаю доподлинно, невзирая на твои честные очи, которые ты любишь лупить на меня при этом.

Еще раз всхлипнув для порядка и укоризненно глянув в его сторону, чтоб он почувствовал себя совсем виноватым, Алла начала свой рассказ, а заканчивая, выложила перед Серегой все вещдоки.

– Дела, – протянул он, поочередно беря в руки то один, то другой предмет. – Ты хоть понимаешь, во что опять влипла? У тебя мания какая-то притягивать к себе неприятности, как громоотвод какой-то.

– Сереж, ну обменяй денежки, а?

– Ты сказала штука, а тут десятки не хватает.

– А я перед магазином разменяла, у молодых каких-то, должна я была Стаську накормить сегодня или нет? У него скоро на макароны и картошку аллергия начнется.

– Нет, ну молодец, а! В банк она побоялась пойти, а на улице разменяла! Причем не у пожилого приличного мужчины, а выбрала молодых говнюков, которые завтра на тебя пальцем укажут и сдадут по чистой!

Серега замолчал и уставился куда-то вдаль, причем дально служила прокопченная стена над газовой плитой. При этом он не спеша раскачивался на своем любимом стуле, что было явным признаком глубоких размышлений.

Алка сидела ни жива ни мертва. Не потому, что чувствовала себя виноватой, а потому, что знала: когда Серега думает, мешать не смей, а думать он любил и умел, да так надумает, что сначала его умозаключения кажутся бредом, а время пройдет – и все по его будет.

Серегу она знала с детства, тот был закадычным дружком ее брата, непутевого Кольки. Стоит сказать, что непутевым брат стал не вдруг и не сразу. А способствовал этому ряд событий, причем таких уважительных, что, глядя на него, в очередной раз пьяного до умопомрачения, Алка вздыхала, но все прощала.

Серега всегда помогал другу, но вставить в его голову свои

мозги не мог, да и вряд ли ему хотелось расставаться с ними. Привык!

Сколько себя помнила Алла, Серега ее любил, во всяком случае, до недавнего времени, а началось это еще со школы. Прибегут с тренировки, Колька начинал по кастрюлям шарить да на Аллу покрикивать: «Разогревай быстрее!», а Серега к стенке привалится, пялится на нее и улыбается – тихо так, нежно, с какой-то затаенной грустью в глазах. Поначалу она на него и не смотрела, но когда он начал оказывать ей внимание в виде вынесенного за нее мусорного ведра, шоколадки, которую тайком от Кольки совал ей в карман, или букетика подснежников, которые буквально отогревал из-под снега, то Алла призадумалась: с чего бы это такое отношение?

Братец не способствовал возникновению никаких симпатий ни с чьей стороны, наоборот, всегда стремился высмеять ее или лишний раз поиздеваться. Не так чтоб уж очень, но Алла обижалась до смерти, когда ей оставалось дочитать любимый роман, ну всего каких-то десять страниц, а он прятал его и ни за что не отдавал. Или соберутся с подругами на каток, а он из ботинок шнурки вытащит и гаденько так улыбается и плечами пожимает.

Вот и призадумалась Алла, а не извлечь ли выгоду из симпатий-то Серегиных, все лишний раз от Колькиных измывательств защита будет, и давай улыбаться ему в ответ. Надо сказать, что Серега умел защищать то, что любил и считал

своим. С Колькой они пару раз подрались. От Аллы Колька отстал, но на друга злобу затаил. И если бы не его величество случай, то дружба их навсегда бы распалась.

А случилось так, что Колька попал в неприятную историю, и если бы не вмешательство бывшего друга, то взгрели бы его как следует, но Серега сумел не только невинность друга доказать, но и пару носов при этом расквасить. С той поры эта тройца больше не разлучалась, только теперь Алку и брат защищал да похлеще дружка своего блюсти стал. Не дай бог она улыбнется кому на улице, сразу вопросов куча: кто, да откуда, да ты смотри у меня, и все в таком же духе.

От воспоминаний ее отвлекла Серегина коронная фраза:

– Да, мать, влипла ты по уши!

– Что, Сергунчик, все так плохо?

– Сергунчик, – передразнил он. – Хуже не бывает, потому как физиономия эта мне знакома, парень из крутых, и не из каких-то там уездных, а из Москвы, и думается мне, что так просто это все не сойдет. А бумажник он свой искать будет, и непременно.

– Что ему, денег так, что ли, жалко? Подумаешь, штука баксов! Если он крутой такой, то этих бабок у него, как у дурака махорки.

– Идиотка, – снисходительно обронил Серега, – не в деньгах дело, а в этой вот железке.

С этими словами он откинулся на спинку, взял со стола вышеупомянутый предмет и стал внимательно разглядывать

его, причем то к глазам подносил, то к свету, вроде как вещь эта была бриллиантом в энное количество карат.

– Ладно тебе усугублять, плата как плата. – Алла повела рукой в сторону его стола: – Вон у тебя этого добра сколько. Будет он из-за какой-то ерунды кататься взад-вперед из Москвы. У него небось время расписано по минутам, а деньги я все равно потрачу, мне сапоги нужны, а Стаське – куртка на меху на зиму. Вот такое мое слово, Сереженька! И если ты не будешь менять деньги, я пойду к этим ребятам и все остальное поменяю.

– Только попробуй, я ведь не шучу, милая, дело дрянь. А денег я тебе дам столько, сколько нужно.

Поежившись под его серьезным взглядом, Алка начала наконец понимать, что Серега так просто усложнять не будет и что надо посидеть, помолчать и послушать, что он говорить будет. А что говорить он будет, сомневаться не приходилось, слишком уж серьезным он был, таким она его видела только однажды, когда последний раз он просил ее выйти за него замуж...

– Все это, – он указал на вещи, принесенные Аллой, – оставляешь у меня, денег я тебе дам, и попробуй отказаться – не для тебя даю, а для Стаськи. Никуда не высовывайся, заляжь и молчи, поняла?!

– Да, но...

– Никаких «но», помалкивай, а то дождешься. Буду вынужден применить контрмеры.

– Какие контрмеры? – оторопела Алла.

– А вот возьму и перееду этажом ниже. Твоего благословения не дождешься, а защищать я тебя поклялся лет двадцать назад, так что помалкивай.

С этими словами Сережа улыбнулся давно забытой тихой, нежной улыбкой, которой он не улыбался ей несколько лет.

Странно подействовала на нее эта улыбка, внутри разлилось некое тепло и стало как-то уютно и надежно.

«Вот это да, чего это я, – думалось Аллочке, – это всего лишь Серега, верный друг!»

Подумав, вздохнула: «Черта с два! Это для тебя он друг, брат почти, а как на друга на тебя он никогда не смотрел, а как на девушку свою, причем самую лучшую».

Спускаясь домой, Алла разговаривала сама с собой и не находила ответа на вопросы, которые всплывали из ниоткуда.

– Что-то я совсем раскисла, – открывая дверь и включая свет в прихожей, Алла машинально глянула в зеркало. Оттуда на нее смотрело лицо молодой, интересной женщины с налетом таинственности, сквозившей в глубине ее огромных глаз.

«Что я сделала в своей жизни не так? Когда я ошиблась?» – спросила она себя, но ответа не было. Вернее ответ был, но он настолько не нравился ей, что приходилось загонять его вовнутрь поглубже и не извлекать оттуда. Четко сформулировать его для себя означало опять испытать

ту мучительную боль, которая только-только начала утихать, покой и умиротворение едва воцарились в душе. Так что нечего в себе копать!

Алла прошла в комнату. Конечно, сыночек спал, как зайчик, убрал все игрушки и спал, положив головку на любимую подушку-медвежонка. Когда Алла смотрела на спящего сына, ей всегда хотелось плакать – до того незащищенным и уязвимым он был: «Нежный, любимый малыш, радость моя!.. Ну, хватит, пора дать себе отдых. День сегодня такой насыщенный, что эмоций хватило бы на несколько последних месяцев».

Уже засыпая, Алла услышала, как хлопнула дверь наверху и по ступенькам затопали Серегины ботинки.

«Куда это он на ночь глядя? Ведь работал же, а когда он работает, неделю из дома может не выходить. Вот и ему мороки задала, бестолковая я все-таки...»

Кошмар наплывал в виде клочьев тумана, настолько осязаемых, что казалось, он забивает легкие, нос, рот и все ее существо. Пытаясь пробиться сквозь эту массу, она задыхалась, падала, вновь вставала и шла в никуда. Но точно при этом знала, что ей непременно надо идти, ее кто-то ждет. Поскользнувшись в очередной раз и упав, она попыталась подняться, но лишь скользила по чему-то вязкому и липкому, а когда поднесла руки к глазам, то увидела, что они в крови. К горлу подкатила тошнота, Алла пыталась закричать, но

вместо этого только молча, как рыба, открывала и закрывала рот. И она поползла, это было долго, настолько, насколько может быть во сне. Впереди забрезжил свет. Туда и только туда! Она увидела в этом свете силуэт, знакомый до боли.

«Нет! Пожалуйста, не приходи снова! Я больше не могу! Это он!» Но силуэт все приближался и приближался, увеличиваясь в размерах и приобретая все более четкие очертания. «Отдай его мне! – голос звучал вкрадчиво и тихо. – Ведь он мой!» – «Нет!!! Нет!!!»

С этими воплями Алла скатилась с кровати вся в поту, схватившись за сердце, готовое вырваться наружу.

– О боже, это всего лишь сон! И ничего больше! – Она поднялась. За окном начало светать. – Сколько же времени? Ведь что привиделось. Дура такая, орала, наверное, всех соседей перепугала. Как Стаську не разбудила?..

Алка хохотнула и пошла на кухню. Поставила чайник, присела у стола. Что сон был вещий и дурной, она понимала, но не знала – насколько. В ту далекую ночь ее тоже преследовал кошмар, и он не заставил себя долго ждать, превратившись в реальность. Вздохнув, Алка налила чаю, достала из холодильника остатки вечернего пиршества.

Чаепитие было у нее ритуалом. Японцы бы позавидовали ей – настолько она могла отключаться в это время. А если к чаю было что-нибудь вкусненькое... Пусть оно протекало не по протоколу, принятому у знающих в этом деле толк, но чай она любила и могла по вкусу определить крупнолистовой

он или гранулированный, чем приводила в изумление своих знакомых.

Но сейчас даже благословенная чашка чая не спасала от предчувствия. Потихоньку кроша пирожное и маленькими глотками прихлебывая кипяток, Алла размышляла, раскладывала по полкам все, что ей привиделось. С какой стороны ни посмотри – сон плохой.

На окне тренькнул телефон. Да и не телефон, а так, баловство одно. Серега купил на рынке детскую игрушку и протянул провода из своей квартиры в ее через форточки. Говорит, на всякий пожарный случай, вдруг грабители полезут. В наш старенький дом, который уже лет десять как сносят, настоящий телефон не проведут, не дожدهшься. А игрушка эта очень даже ничего. Когда чего нужно, она трубочку снимала, на кнопку нажимала, и вот, пожалуйста, Серега на проводе, всегда готов к труду и обороне. Правда, надо признать, последнее время он все чаще отсутствовал и замкнутый стал, угрюмый. Никогда раньше ей не грубил, а вчера так вообще: «Приперлась», это надо же, а?

– Чего тебе?

– Не спишь, Алк?

– Кошмар приснился.

– Опять! Сколько раз говорить: все предрассудки.

– У меня свои взгляды на это.

– Кофе есть?

– Ты ж знаешь, я кофе не пью.

– Но для меня всегда держала, или я что-то путаю?

– Не путаешь, заходи.

Идя к двери, Алла машинально отметила, что времени всего 6.30. «И что человеку в выходной не спится? Ну ладно, у меня уважительная причина – дурной сон, а он? О господи, о чем я, он же дома работает, у него все дни и выходные, и будни».

Сергея зашел какой-то помятый.

– Ты что, не спал совсем?

– С чего ты взяла?

– Я засыпала и слышала, как ты уходил, – Алла передернула плечами. – Или женщину себе завел?

– Ты же знаешь, мышонок, ты для меня единственная женщина на земле, так что давай не будем возвращаться к этому. Поговорим о делах насущных.

Алла энергично заваривала кофе, хлопотала как никогда. Она уж и забыла, когда Сергей был у нее в гостях последний раз. Раньше часто заходил, а как эту телефонную игрушку поставил, так и нужда отпала. Сама хлопотала и думала: «С чего это ты так разбегалась? А с того, что тебе это приятно. Вот!»

– А ты действительно считаешь, что есть проблемы? – Алла налила кофе, поставила чашку перед Сергеем, сама уселась напротив.

– Есть, и даже большие, чем ты можешь себе предста-

вить, – аккуратно отхлебнув из чашки, Серега задумчиво смотрел на нее. – На местное телевидение поступило объявление о пропаже бумажника и о вознаграждении за его возврат.

Выждав паузу, он продолжил:

– Я не хотел говорить тебе вчера, но, видно, придется. Крутой этот москвич, большими делами заправляет. И как ты правильно заметила, штука баксов для него ничто. Последнее время он был замечен на продаже оружия, и не какого-то там, а сверхсекретного, которое только-только прошло испытание и количество единиц которого можно по пальцам перечесть.

– А откуда ты все это знаешь? – Алка во все глаза смотрела на Серегу и не могла понять, он это или не он.

Она знала его как обычного человека, ну, может, хорошего специалиста в своем деле. Да что там кривить душой – равных в электронике ему не было. И не только в их городишке, но и, наверное, в областном центре. Но то, что он поведал ей сейчас, наводило на размышления: а так ли уж она хорошо его знает? Эту информацию в Интернет не запускают, и сорока ее не принесет на хвосте.

– Серега, откуда ты знаешь? Откуда тебе лицо этого москвича известно?

– Ты уже спрашивала, – криво усмехнувшись, Серега отвернулся к окну и тихо продолжил: – Ты многого обо мне не знаешь или не хочешь знать, потому как лицо я для тебя

безынтересное.

Алла насупилась:

– Не начинай все сначала, пожалуйста.

– Не буду, – Серега сделал паузу, внимательно посмотрел на Аллу и отвел глаза. – Есть еще кое-что, но это тебе не понравится.

– Говори!

– У него в боевиках человек, который тебе очень знаком, – пристально глядя на внезапно побледневшую Аллу, Серега выдавил: – Влад его правая рука.

– Нет! О боже, нет! – Алла судорожно вцепилась в край стола, так что побелели костяшки пальцев. – Ведь это неправда, Сережа, скажи, что это неправда!

– Правда, мышонок. Ты могла бы никогда и не узнать об этом, если бы не подняла этот чертов бумажник! – с жалостью глядя на Аллу, он продолжил: – По моим сведениям, Портнов знает, где он потерял свою ценность, и собирается выехать сюда со своей братвой, не со всеми, конечно, но самые приближенные будут, так что думай.

Алла вскочила со стула и начала метаться по тесной кухне, как по клетке, мозг отказывался переваривать происходящее.

– Сережа, мне надо исчезнуть. Ты все им сам вернешь, ведь правда? – в этот момент она особенно остро почувствовала свое одиночество. Внезапно остановившись, Алла впи- лась глазами в Серегу, ужас исказил ее черты. – О боже мой!

Как я не подумала – Стасик! Что с ним будет?! Сереженька, что мне делать?!

Тут она не выдержала и расплакалась навзрыд, как ребенок. Серега подскочил, схватил ее за плечи и потрянул как следует:

– А ну успокойся! Ничего же не произошло! Про Стаса он не знает и не узнает никогда. Он даже не знает, осталась ли ты в этом городе.

Сквозь пелену слез Алла с надеждой посмотрела в Серегины глаза. Против обыкновения в них не было ни нежности, ни доброй насмешки, а только боль, которую она ощутила почти физически.

– Помоги мне, Сереженька, защити меня от него, – шептала она, заикаясь, опухшими губами. – Я не знаю, что мне делать. Как я буду жить дальше! Мой дурной сон! Я видела его во сне! Он требовал отдать то, что принадлежит ему! – стонала Алла, плечи ее сотрясались от рыданий.

– Ну, малыш, ну успокойся, – Серега тихонько гладил ее по волосам. – Все будет хорошо! Я не дам вас в обиду, у вас со Стаськой есть я, так что ни о чем не переживай.

Алла подняла заплаканное лицо.

– Доверься мне! – Серега смотрел на нее потемневшими глазами, рука, до этого гладившая ее по волосам, сместилась ниже по спине, второй рукой он приподнял ее голову за подбородок. – Я не позволю ему вновь отобрать тебя у меня!

Она поразилась, сколько ненависти было в последних его

словах. Попробовав освободиться из его объятий, Алла почувствовала, что Серега еще сильнее прижал ее к себе. И тут до нее, наконец, начало доходить, что перед ней взрослый, изголодавшийся мужик, который давно желал ее.

– Сережа, не надо, – прошептала она, уткнувшись руками ему в грудь, – Стасик проснется.

– Милая моя, милая! Как я хочу... Как я давно жду! Пожалуйста, не отталкивай меня, – Серега в исступлении целовал ее, а руки его тем временем прокладывали себе путь под ее легким халатиком. – Я сделаю тебя счастливой! У тебя будет все, о чем ты только можешь мечтать!

Алла взирала на все происходящее как бы со стороны. Ее поразила реакция собственного тела, вернее, полное отсутствие реакции. «Я, наверное, стала фригидной, – пронеслось в мыслях. – Ведь не была с мужчиной больше пяти лет, и никаких эмоций».

Серега распаялся все больше. Его губы блуждали уже вблизи ее груди, а грудь у Алки была что надо. Невзирая на то, что кормила ребенка больше года, грудь сохранила форму и упругость. Аллочка часто на работе ловила вожаделенные взгляды сослуживцев, но никаких вольностей не позволяла. Раз уж решила воспитывать ребенка одна, так и вести себя надо, чтобы ребенку за мать стыдно не было, когда вырастет.

«Пора его остановить», – запаниковала Алла.

И тут, словно прочитав ее мысли, Серега оттолкнул Алку

от себя, порывисто дыша, отвернулся к окну:

– Что, все мечтаешь о нем? Забыла, сколько горя принес он всем нам? – от нежности в его голосе не осталось и следа.

– Ты о чем это? Сережа, что-то я не пойму тебя.

– Да так, ни о чем, – криво усмехнувшись, Серега двинулся к двери. – Я же не дурак, вижу, что мои поцелуи тебя не трогают. Под ним небось визжала, как кошка.

Грязно выругавшись, он взялся за ручку входной двери:

– В понедельник берешь отпуск, собираешь вещи себе и Стасу, – Аллу возмутил безапелляционный Серегин тон, но она промолчала. – Я отвезу вас к своей тетке в Хабаровск.

– Ты сдурел, что ли, даль-то какая! – хлопая ресницами, Алка уставилась на него, закипая. А когда она закипала, то становилась неуправляемой. – На край света я повезу ребенка? Да там холод-то какой! Нечего за меня решать!

– Полчаса назад кто-то рыдал у меня на плече и просил о помощи, – голос Сереги стал обманчиво вкрадчивым. – Может, у тебя есть какие-то предложения? Я готов выслушать.

Прикусив язык, Алка сердито уставилась на своего друга, не зная, что ответить.

– Так-то, милочка! Молчишь? Правильно делаешь.

С этими словами Серега ушел, сильно хлопнув напоследок дверь.

Утренний эпизод на весь день выбил Аллу из колеи. За что ни бралась, все валилось из рук. Одна радость – Стасик.

Подойдет, прижмется, ласковый, как котенок.

Глядя его светлые как лен волосы, все в мелких кудряшках, Алла вспоминала, как пять лет назад перебирала такие же упругие белокурые кудри на другой голове.

«Боже мой! Как они похожи. Ну почему Стасик ничего не взял от меня? – размышляла она. – Ведь вылитый портрет своего отца. Манера разговаривать, глядя прямо в глаза собеседнику, походка. Даже кушает как отец – неторопливо, основательно! А про внешность и говорить не приходится. Если сначала соседки строили догадки, кто отец ребенка, то едва Стасик стал подрастать – замолчали. Все и так ясно».

Алла не торопясь собирала вещи и размышляла:

«А с какой это стати я должна уезжать отсюда в тьмутаракань? Оставлять квартиру неизвестно на сколько. Дверь вон какая ветхая, плечом поднапри – и вывалится. Да и отпуск жалко тратить. Ждешь-ждешь целый год, хочется отдохнуть, полодырничать, а тут уезжать! Неизвестно, как меня там встретят. И где гарантия, что все это утрясется за время отпуска. Если Серега забрал все вещи себе, значит, я устраняюсь сама собой – моя хата с краю. Как быть? Ума не приложу».

Вздыхала, машинально наводя порядок в квартире. Неприятности неприятностями, а чистота и порядок у нее на первом месте. В маленькой квартирке пусть небогато, но уютно. Знакомые часто, приходя к ней в гости, не торопились уходить.

Мальш набегался за день так, что, еле успев поесть, уснул. Убирая его розовую пяточку под одеяло, она уже твердо знала, что в Хабаровск не поедет. Но что мальчика надо увезти из города – это бесспорно.

Спала она в эту ночь крепко и без сновидений, а когда проснулась, решение пришло само собой. Поедет она к Надежде. Про нее никто не знает. Это ее секрет, наверное, единственный, который ей удалось скрыть от бдительного ока Сереги и Кольки. Живет она недалеко, в каких-то тридцати километрах от их городка, что тоже очень удобно. «Стаську отвезу, осмотрюсь здесь: что и как, а там видно будет. Да и телефон у Надьки есть. Так что связь с сыном будет постоянная», – повеселев, Алка быстренько собралась в дорогу.

Уже подъезжая к Надькиному поселку, она заробела: «А ну, как ее дома нет? Надо было позвонить. Хоть она человек домашний, но может ведь и отлучиться куда-нибудь».

Но все страхи оказались напрасными. Надежда была на месте, о чем свидетельствовала открытая нараспашку дверь ее уютного домика с голубыми окошками.

Алла вошла в калитку и громко позвала:

– Надюнчик! Ты где? Это я!

На терраске загромыхало, и Надежда выплыла собственной персоной. Надо добавить, Надюнчиком звала ее только Алка, поэтому та появилась уже с радостной улыбкой на

устах:

– Кто это к нам приехал? Господи! Неужели дождалась? – Надя чуть не прослезилась и кинулась обниматься.

– Тише ты, задушишь! – Алка смеялась и говорила одновременно, а в горле стоял противный комок.

– А это кто такой хорошенький? – присев перед Стасом, Надежда с нежностью разглядывала мальчика со всех сторон, глаза ее подозрительно заблестели. Она подхватила его на руки, облобызала румяные щечки и, щебеча, пошла к дому. – Стасюшка, мальчик мой хорошенький! Приехал тетку Надю навестить, вот умник-то.

Алка с глупой улыбкой наблюдала за ними, бросив сумку у ног, на душе было радостно и спокойно, будто ее приезд сюда не был следствием грядущих неприятностей.

Сияющая Надежда оглянулась с порога:

– Ну, чего сияешь? Иди уж, мамуля дорогая!

Подняв сумку и проходя через двор, Алка на ходу отмечала, какой порядок царил вокруг: ни одной лишней щепки или ведра перевернутого, все на своем месте. «Стасику хорошо тут будет, воздух какой – хоть ложками ешь. Тишина!» – Алка вздохнула, представив разлуку с сыном, с которым не разлучалась с рождения.

Надежда уже хлопотала вовсю. Стасик, раздетый и обласканный, уплетал сгущенку, как всегда неторопливо, но при этом ухитряясь перемазаться от уха до уха.

Тарелки как по волшебству одна за другой появлялись на

стол: грибы, курятина, сало, колбаса и всякие соленья.

– Сейчас еще картошечки сварю, а то не дело это – без картошечки-то! – Надька раздумянулась и сновала от стола к плите, от плиты к холодильнику. – Эх, знала бы, что придете, не стала бы молоко продавать, а то я-то его не люблю, все продаю почти, оставляю только на масло или сметану.

– Надюнчик, как я по тебе соскучилась! – Алка сидела, привалившись к столу, и не сводила с нее глаз.

– Соскучилась, – передразнила Надька. – Как же! Три года не была! Как будто ехать на край света! У, бесстыжая!

С этими словами Надежда подошла к ней, облапила и прижала к своей пухлой груди:

– Что случилось-то, Алк? Понимаю, с порога не спрашивают, ну ты ж знаешь, как я за тебя переживаю! И глазыньки твои обмануть меня не могут – уж очень они грустные. Права я или нет?

Алка всхлипнула:

– Права! Еще как права! Но разговор этот долгий и не при ребенке.

Стасик, услышав, что о нем говорят, перестал есть и смотрел на них. Взгляд его небесно-голубых глаз был не по-детски серьезен.

– Все в порядке, малыш. Кушай, кушай, – Алла, освобождаясь из Надькиных объятий, чмокнула сына в макушку.

– А ты плачешь? – он все еще настороженно смотрел на мать.

– Нет, милый. Просто мы с тетей Надей давно не виделись, вот и все.

Стасик продолжил свое занятие, а Надежда свое – метать тарелки на стол. При этом то и дело поглядывала на Алку: «Во что ты опять влипла?» – вопрошал ее взгляд, но она молчала, только вздыхала время от времени.

Когда все со стола было перепробовано и за встречу выпито не по одной рюмке знаменитой Надькиной наливки, Алка приступила к своему рассказу. Стасика отправили играть с котенком в другую комнату, и оттуда доносился радостный визг малыша.

Надо отдать должное – Надька слушать умела. Когда Алка закончила, она, пытливо глядя на нее, спросила:

– А почему ты сама-то не хочешь исчезнуть из города? Что у меня, места, что ли, не хватит? Ты знаешь, что, кроме вас со Стаськой, у меня никого нет. Если завтра соберешься жить здесь совсем, я всем святым свечек понаставлю.

– Ну, у меня работа, – растягивая слова, мямлила Алка, – да и квартиру оставлять надолго не хочется.

– Чего у тебя там брать-то? Да моего добра на всех хватит!

– А что ни что, все равно жалко! Я на кровные все покупала! – окрысилась Алла.

– Ты кого обмануть хочешь? Это ты можешь Сереге или Кольке заливать, они по глупости своей мужской, может, и поверят, но я-то знаю, почему ты в городе хочешь остаться! – Надежда в сердцах бросила тряпку, которой сметала крошки

со стола. – Все забыть не можешь! За что ж ты любишь его так по-собачьи? Тьфу!

Под Надькиным взглядом Алка нетерпеливо заерзала и стала перебирать бахромку вязаной скатерти:

– Не знаю! Не могу я его забыть! Да и не все мне понятно, что произошло тогда. Чем больше об этом думаю, тем больше вопросов. Вот и хотелось бы эти вопросы задать тому, кто может на них ответить.

Надька ахнула:

– Ты хоть понимаешь, что говоришь! Не пущу! Сейчас привяжу к кровати и не пущу! Он знать тебя не захотел! Всю жизнь перечеркнул тебе и брату твоему, а ты с ним разговаривать собралась! – Голос ее сорвался на крик: – Алка, не смей!

Алла начала метаться по комнате, что было явным признаком душевного волнения:

– Все меня оберегают, все хотят как лучше! А кто-нибудь из вас спросил за эти пять лет, чего хочу я? – ее лицо искажилось от нахлынувших чувств. – Ладно, Колька – им месь движет! С Серегой тоже все понятно – увели бабу из-под носа да еще ребенка сделали! Но ты-то, ты!!! Если я молчала все эти годы, улыбалась, когда выть хотелось, это не значило, что меня все устраивало!

Плюхнувшись на стул со всего размаху, Алла уставилась на Надежду исподлобья:

– Слишком много времени я молчала, пора расставить все

точки над «і».

Воцарилось молчание, потом подруга, тяжело вздохнув, выдала:

– Алунчик, деточка ты моя! – Надька приблизилась к ней, обхватила ее голову руками и поцеловала в лоб. – Делай, что считаешь нужным. За Стасика не волнуйся, он у меня еще лучше будет, чем с тобой.

– Это почему еще, – ревниво покосившись на Надежду, сказала Алка. – Я что – плохая мать?

– Никто этого не говорил. Просто с твоей работой и вечной нехваткой денег в неврастеничку превратилась. Да ты и права, наверное. Настала пора обо всем узнать поподробнее. А то растет ребенок сиротой при живом отце.

– При чем тут это? – Алка недовольно поморщилась. – Я не хочу предъявлять ему претензии по поводу сына. У меня к нему много других вопросов.

– Каких? – Надежда в упор смотрела на подругу. – Скажи, что тебя мучает, может, я смогу помочь?

– Ты? – Алка фыркнула. – Что ты можешь знать о той ночи, которая... Ладно, давай не будем об этом.

Надька как-то загадочно посмотрела на Аллу:

– Я могу знать многое. Смотря что тебя интересует. Не забывай, что когда-то я была журналисткой, причем в самых горячих точках побывала.

– Но когда все случилось, ты меня даже не знала!

– Зато потом у меня было время подумать, – взгляд ее стал

еще загадочнее.

– Ну, давай вещай, оракул! – Алка с интересом смотрела на Надьку.

– Понимаешь, мамуля дорогая, когда все это случилось, я была как раз в городе. В эту ночь мы с одной компанией гудели в ресторане. Я уж сейчас события той ночи плохо помню, набралась, я скажу, прилично. Я об этой вечеринке и не вспомнила бы никогда, если б не одно событие.

– Не тяни, – Алка аж осипла от волнения.

– Помнишь, три года назад ты приезжала ко мне со Стасиком?

– Помню, ну и что?

– Так вот. Когда я с ним гуляла, ты еще спать улеглась тогда, к нам Вика подошла. Она все мальчиком нашим восхищалась и все тискала его: «Ну надо же, какой ребенок! Я таких красавчиков еще не видела!». А потом паскудненько так улыбается и говорит: «Хотя постой. Кажется, я знаю одного такого симпатюлю». Я сладенько так отвечаю ей: «И кто же он? Уж не Кристофер ли Ламберт?» А она: «Может, и он. Только что он делал в нашем захолустье, да не где-нибудь, а в ресторане?» Она фыркнула. Тут я насторожилась и спрашиваю: «Чего городишь-то, не пойму». А она: «Помнишь, когда мы ездили на день рождения Виталика? Почти два года назад?» Я ей: «Помню, и что?» – «Так эта лапа сидела за соседним столиком и все на часы поглядывала. Я уж перед ним и так и эдак, а он – ни в какую. Видно, ждал кого-то. Дол-

го сидел, почти до закрытия. Ты-то не помнишь, обожралась тогда. А я как сейчас вижу: глаза синие, утонуть можно! А волосы – это что-то! Кудрищ копна такая!» Она мечтательно глазки закатила, но я вцепилась в нее как клещ: «Прямо ты запомнила его? Столько времени прошло...» – «Я и не запомнила. Просто его вчера по телевизору показывали, в связи с каким-то там совместным предприятием. Я и вспомнила, а у меня на мужика глаз такой – увидела, как сфотографировала. Вот я и говорю, уж больно малыш на него смахивает, ну как одно лицо. Твоя подружка, случаем, не от него понесла?» Потом заржала, как лошадь, и пошла-завиляла.

Надежда вздохнула после своего монолога, облизала губы и продолжила:

– Если она не ошиблась, то уйти он был должен оттуда где-то в половине третьего. А ведь то, что произошло, случилось гораздо раньше. Нестыковочка какая-то.

– Что ж ты молчала-то все эти годы?! – посиневшими губами еле прошептала Алка. – Как ты могла?! А ты знаешь, сколько слез я пролила за все это время?! Сколько раз хотела руки на себя наложить?!

– Подожди, не стервелей, – Надька обиженно засопела. – Не могла я тогда тебе все сказать. Ты только-только в себя приходиться стала, а я тебе ляпнуть это должна была, да?

– И что же ты сделала? Ты, ты... Глаза б мои на тебя не глядели, – Алла опять начала метаться по комнате.

– Да не мельтехайся ты! Аж в глазах рябит, – подружка по-

морщилась. – Я, между прочим, тоже сложа руки не сидела. А провела свое небольшое расследование.

– Провела что? – Алка с изумлением уставилась на Надежду.

– Расследование, – Надька скромно потупилась. – Я ведь тоже с пониманием. Знаю, что он для тебя значил когда-то. Оказалось, и до сих пор...

Она безнадежно махнула рукой.

– Не тяни, Надюнчик, говори, – Алка с мольбой смотрела на Надежду.

– Подхалимка! Только что обвинить меня была готова, а то сразу «Надюнчик», – передразнила Надька. – То, что я тебе поведаю, вряд ли можно назвать приятным.

Она пытливо смотрела на Алку, не зная, как начать рассказ.

– Во-первых, тогда – три года назад – он действительно работал в коммерческих структурах, и передача эта выходила в эфир – все совпадает. Но потом кое-что изменилось, и сейчас, Серега тебе правильно сказал, Влад в мафии. Но это еще не все.

– Говори! Хуже, чем сейчас, мне уже не будет.

Но она ошибалась, следующие слова Надьки повергли ее в шок:

– Алка, он женат!

– Поэтому ты и молчала, – обреченно, тихо промолвила Алла.

– Да.

– А дети?

– Нет, детей нет.

Алка обхватила себя руками и еле слышно обронила:

– Сейчас, может, уже и есть. Когда он женился?

– Давно, – Надежда избегала Алкиного взгляда.

– Когда?!

– Ну, в общем, когда он был с тобой, то уже был женат. –

Надька с жалостью посмотрела на подругу. – Ведь не хотела говорить, знала же, что расстроишься.

Не глядя на нее, Алла поднялась и вышла из дома. Обогнув угол, углубилась в сад. Почки только-только начинали набухать, в воздухе пахло весной, и было тепло совсем повесеннему. Но что для человека красоты природы, когда он узнает, что его дважды предал тот, кто до недавнего времени был дороже всего на свете? Привалясь спиной к стволу яблони, Алка разразилась горькими слезами. Ей думалось, что все слезы она уже выплакала раньше, оказалось, что нет. Каждый раз, врываясь в ее жизнь, Влад причинял ей боль и горечь утраты.

Успокоение пришло вместе с Надеждой, которая, укутав ее плечи в старенькую телогрейку, крепко обняла и повела к дому, уговаривая, как ребенка.

Вдыхая ее запах, запах молока и свежести, Алла постепенно приходила в себя. Нельзя, чтобы Стасик видел ее слезы.

Подруги просидели и проговорили весь день. Стасик не

проявил особого беспокойства по поводу того, что остается пожить у тети Нади. А то, что не придется ходить в садик, вообще привело его в восторг.

Облобызав мамулю на прощание, Стасик схватил котенка, с которым уже успел подружиться, и побежал обживать окрестности, благо разгуляться было где.

– Да! Он тебе создаст здесь уют, – с тоской глядя на улепетывающего сына, промолвила Алла.

– Да не ревнуй ты, дуреха, – Надежда хохотнула. Потом, сразу посерьезнев, спросила: – Все помнишь, что я тебе сказала?

Алка поежилась:

– Да, помню. Только чудно как-то, Надюнь. Я же с ними всю жизнь бок о бок, а тут – секреты.

– Обо мне так никто и не знает? – подруга пытливо уставилась на Алку.

– Нет! – она хихикнула, затем сложила комбинацию из трех пальцев. – Вот им! И так во все щели моей жизни залезли.

Троекратно расцеловав подругу на прощание, не забыв сунуть пакет с деревенскими гостинцами, Надежда пошла к дому. Алка уселась у окошка пригородного автобуса, прикрыла глаза и мысленно вернулась в то время, когда она впервые встретила эту женщину.

Аллу положили на сохранение в гинекологическое отде-

ление, в палату, где лежала еще одна женщина. Лица ее она не видела за неделю ни разу. Та лежала, отвернувшись к стене, и плакала почти все время, когда не ела и не выполняла процедуры, предписанные врачом. Поскольку время этих процедур с Алкиным не совпадало, то познакомиться не было возможности. Да и желания не было, если честно. Алка забилась в свой кокон, который соткала из боли и пустоты. Ей, так же как и соседке, не хотелось ни с кем разговаривать, но приходилось, поскольку Серега от больницы не отходил. Многие даже думали, что он отец ребенка, которого она носила под сердцем.

Он смотрел на нее глазами побитой собаки, гладил ее волосы дрожащей рукой и все время повторял: «Все будет хорошо!» Но Алла знала, что все хорошее в ее жизни уже случилось. Поэтому молча брала пакет с фруктами и так же молча уходила. Приходя в палату, она заставляла битком набитую тумбочку и опять погружалась в транс. Потом санитарка выгребала начинающие портиться продукты, укоризненно качала головой и ругала ее тихим голосом, что не бережет себя и ребеночка. Вот, мол, молодые нынче что творят, делают ребенка во грехе, а потом его еще нерожденного голодом изводят. Алка в это время, уставившись в потолок, мысленно считала до ста, а соседка ее переставала хлопать носом и вроде бы прислушивалась – поди пойми.

Все это так и продолжалось бы дальше, если бы однажды не случилось то, что должно было случиться.

Сергея пришел как обычно после тихого часа, но в этот раз вел себя как-то странно. В ее сторону не смотрел, а уселся на скамейку в холле, сцепил руки замком и тихо промолвил:

– Аллочка, мне надо сказать тебе что-то.

– Что? – бесцветным голосом произнесла она. А про себя мысленно усмехнулась: что еще он может сказать ей такого, чего она не знает?

– Дело в том, что Влад уехал, – скороговоркой выпалил он.

– Как уехал? – Алла непонимающе уставилась на Серегу.

– Его отпустили. Приехал какой-то важный адвокат из Москвы. Нашел много такого... Ну, в общем, милиция наша что-то сделала не так. Я точно ничего не знаю. Оказывается, за Владом большие люди стоят, отмажут!

– Значит, он не виноват! – от радости у нее подкосились ноги. – Боже мой! Он не виноват! Серега, ты понимаешь, он не виноват!

– Подожди, Алк, – Серега с жалостью посмотрел на нее и отвернулся. – Я этого не говорил. То, что его отпустили, еще ничего не доказывает! Но это не все.

– Что может быть важнее? Он невиновен! Господи, ты услышал мои молитвы!

Ей хотелось плакать и смеяться одновременно.

– Ты что, не поняла? Я сказал, он уехал, – голос Сереги стал грубее. – Он бросил тебя и ребенка, ты это можешь уяснить? А насчет того, что не виноват, я повторяю: ничего не

доказано. Его освободили под залог. Да что для них – для больших парней – жизнь другого человека? Откупятся!

– Да ты что, Серега! Он не мог так поступить! Он же любит меня, а когда узнает, что у нас будет ребеночек, так будет плясать от радости!

Алка обхватила Серегину голову руками и чмокнула в нос, счастливая улыбка расцвела на ее лице:

– Ты просто ничего не понял.

– Да куда уж мне! – Криво ухмыльнувшись, Серега продолжил: – Алла, постарайся выслушать меня до конца. Я понимаю, что тебя нельзя сейчас волновать, но молчать не могу.

Он потер пальцами виски и, все так же глядя в сторону, глухо продолжил:

– Он был у меня перед отъездом и разговаривал со мной, с Колькой встретиться не пожелал. В общем, сказал, чтоб ты не искала его и оставила в покое, потому что таких девок, как ты... Дальше цитирую. – Судорожно вздохнув, Серега сказал: – На каждой привокзальной площади десятков. Забудь его, стервеца, Алк, я женюсь на тебе и ребенок будет моим. Хочу только, чтобы ты забыла весь этот кошмар и его в первую очередь. Я все прощу!

– Меня не за что прощать! – ледяным тоном произнесла Алка. – Ты иди, Серега, мне на уколы пора.

С этими словами она круто повернулась и на негнущихся ногах пошла в отделение. По дороге кто-то улыбался ей

приветливо, но она ничего не видела.

Алка зашла в палату и заорала. Заорала дико, страшно! Так, наверное, орет раненое животное, видя, что спасенья ждать неоткуда! Потом ее окутала темнота.

Очнувшись, она обнаружила, что от ее ключиц отходят трубки капельниц, а над ней склонилось озабоченное лицо старшей медсестры:

– Ну, слава богу, очнулась! Напугала ты нас, милочка! С этой минуты никаких посещений, постельный режим и усиленное питание. Соседка за тобой присмотрит.

С этими словами, поправив подушку, она выплыла из палаты.

Алла повернула голову чуть в сторону и увидела женщину, которая сидела на стуле и с напряженным вниманием следила за ней.

– Привет. Я Надежда, а тебя Аллой зовут. Мне сказали, – она встала и медленно подошла к кровати, – ты поспи теперь, тебе покой нужен, а я рядом побуду, если что нужно, скажи. Я знаю, тебе сейчас никого видеть не хочется, надоедать не буду, просто посижу рядом, хорошо?

– Хорошо, – еле разлепив губы, прошептала Алла, – что со мной?

– Ты потеряла сознание, наверное, голова закружилась. Мне сказали, что ты не ешь почти ничего. Неправильно это, – Надежда горестно поджала губы.

– А сама! – прошептала Алла. – Все время плакала и тоже

ничего не ела.

– У меня причина была! – женщина укоризненно посмотрела на нее. – А у тебя что?

– Какая причина? – уходя от ответа, спросила Алла.

– Все расскажу потом. Все! Ты отдохай, милая, – поправив одеяло, Надежда с грустью смотрела на нее. – Молоденькая-то какая, красивенькая.

Алка медленно погружалась в сон.

Последующие недели пролетели быстро. Надежда закармливала Аллу витаминами, не отходя от нее ни на шаг. Они подолгу разговаривали, постепенно узнавая друг о друге все больше и больше. Лед отчуждения таял, его место начала занимать взаимная симпатия, которая постепенно перерастала в привязанность.

От Надежды Алла узнала о трагедии, которая произошла с ней в одной из горячих точек страны, куда молодая женщина поехала в надежде увидеться с мужем, который там был по долгу службы. Поехала, чтобы сообщить ему о своей беременности, да заодно и репортаж сделать для своей газеты. Но приехала слишком поздно: муж был убит за день до ее приезда осколком снаряда. Дальняя дорога и сильное горе способствовали тому, что Надя потеряла ребенка. Ее сняли прямо с поезда с сильным кровотечением и поместили в районную больницу. На чем она сама, кстати, настояла – в этом городе было много их с мужем общих знакомых. Но все усилия врачей были напрасными – не помогли ни деньги, ни

связи.

Когда она узнала историю Алки, то долго молчала, затем, тяжело вздохнув, сказала:

– Я так хотела, чтобы мой малыш был жив. Это все, что у меня оставалось от мужа, но судьба распорядилась иначе. А у тебя будет ребенок от человека, которого ты любишь. Ты должна сберечь его для себя, а себя для него.

Потом начинала ворковать, утирая Алкины слезы. После смерти родителей с ней никто так не нянчился. Серега и Колька окружили ее заботой, но что их забота без материнского тепла. А Надежда ей стала и подругой, и матерью, и сестрой.

Алку выписывали первой. Когда она уже переделалась и присела напоследок, Надежда ей строго сказала:

– Ты должна помнить, что ты и твой малыш – теперь вся моя семья! Я продам квартиру и переберусь к тебе поближе. Мужики твои мне доверия не внушают, а Серега твой – так особенно. Никогда ему не прощу, что он такие вещи сказал, зная, что тебе и так тяжело. Береги себя, девочка моя!

Она крепко обняла Алку, отстранилась, внимательно разглядывая ее:

– Больше гуляй, кушай хорошо. На все мои дела уйдет немало времени, но не думай, что я бесследно исчезну из твоей жизни. Молчание может быть долгим, поскольку писать не люблю, а звонить тебе некуда, но я тебя не брошу.

Потом отвернулась и глухо сказала:

– Если мальчик будет, назови Стасом! – так звали ее покойного мужа.

– Хорошо, Надюнчик! Я буду ждать тебя!

Прошло много времени, прежде чем Надежда опять появилась в ее жизни, но посылки Алла получала регулярно. распашонки, пеленки, ползунки и всякие игрушки-погремушки.

У Алки родился хорошенький, здоровенький мальчик. Назвала она его Стасиком. В роддом за ней приехал один Серега. Колька напился, Алка простила, понимая его чувства.

А затем начались длинные бессонные ночи и дни, наполненные хлопотами. Тяжелые воспоминания отодвинулись как бы на задний план. Все мысли и чаяния были только о ребенке, а поскольку желанен он был только для нее, то радости своей она никому не показывала. Колька появлялся, исчезал на недели и месяцы, за прогулы и пьянство его выгнали с работы, и он опускался все ниже и ниже. Серега заходил регулярно, приносил гостинцы, деньги, которые Алка брала с большой неохотой, справлялся о самочувствии и уходил. Пару раз возвращался к разговору о замужестве, рисуя радужные картины, но Алка обрывала его на полуслове.

Когда Стасику был почти год, Надежда объявилась. Ворвалась к ней как ураган, подхватила малыша на руки, тискала, сюсюкала и целовала. А он, надо сказать, не испугался ее, хотя чужих очень боялся. И опять существование подруги осталось тайной для ее брата и друга: Колька был в

очередном запое, а Серега куда-то исчез на месяц. Надька быстро собрала их и увезла к себе в поселок, где незадолго перед этим купила домик. Но пока не привела его в порядок, к Алке не приезжала. Потом так и повелось: как только ее мужики исчезали из поля зрения, так она ноги в руки – и к Надежде. И не потому она о ней молчала, что нравоучений очередных боялась, а потому, что это была ее первая от них тайна и раскрывать ее ей не хотелось. А спроси – почему? Она и сама не знала. Не знала она и того, что впоследствии это спасет ей жизнь, и не ей одной...

Когда мальчику исполнилось полтора года, Алка вышла на работу, и визиты к подруге стали редкостью.

Алка оторвалась от воспоминаний и вздохнула. Надежда вон говорит, что три года не приезжала, – явное преувеличение, но что давно не была – это точно.

Автобус остановился почти у самого дома, чему Алла обрадовалась, учитывая сгущающуюся темноту на улице. Свет горел во всей квартире, она поморщилась:

– Братец объявился, сейчас денег начнет просить.

Против обыкновения Колька был трезвым и был не один – Серега сидел в комнате, уставившись в телевизор, и хмуро молчал, не ответив даже на приветствие. Забирая у сестры сумку, Николай проворчал:

– И где тебя носило весь день? На улице темнота, в городе черт-те что творится!

– А что творится-то? – как можно беззаботнее спросила Алка, но в сердце кольнуло: «Про Стаса даже и не спросил!» – Я сейчас вас буду угощать.

Алка, надев тапочки, прошлепала на кухню, дабы оттянуть неизбежное. Знала – серьезного разговора не избежать.

Мужики прошли за ней следом и стали стеной. «Ну, начинается! – Алка отвернулась от них и стала разбирать сумку. – Надюнчик постаралась на славу, – с теплом подумала она. – Мне этих продуктов на месяц хватит».

– Ну, и?.. – тон, которым был задан вопрос, не сулил ничего хорошего. – Где ты была?

– Сережа! Не надо так волноваться. Ситуация под контролем. – Алка с улыбкой посмотрела на говорившего и оторопела – в таком бешенстве он пребывал нечасто.

– Где Стас? – рявкнул он.

– Наконец-то вспомнили, – ехидно заметила она. – Он у моей подруги. Поживет там пока.

– Что за подруга?

– Кто такая?

Вопросы прозвучали одновременно. Алка пожала плечиком и ничего не ответила.

– Давайте руки мойте, сейчас будем ужинать.

Но Серега, казалось, не слушал ее:

– Я тебе что сказал вчера? Почему ты решила опять сделать все по-своему? Зачем ты появилась в городе? Не терпится на любимого взглянуть?

– Прекрати, – болезненно поморщившись, Алла полезла в шкаф и достала пачку запрятанных сигарет. Надо сказать, что прятала она их от себя. Потому что твердо решила бросить курить, но когда на душе скребли кошки, нет-нет, да и вытянет сигаретку-другую. – Во-первых, я слишком долго была под вашей опекой, а ведь давно уже стала большой девочкой. Во-вторых, подруга моя – надежный и проверенный человек. А в-третьих, мне действительно нужно поговорить с Владом! Если кого это не устраивает – пишите рапорт!

– Ах ты дрянь! – Серега рванулся к ней, но Колька ухватил его за руку. – Я как последний идиот жду уже столько лет – когда несравненная принцесса обратит свой взор на меня, а она опять собралась стать его подстилкой!!!

– Прекрати! Прекрати сейчас же! – голос ее сорвался на крик. – Ты не смеешь меня оскорблять! Я жалею, что пришла к тебе за помощью!

Она глубоко затянулась, на глазах ее выступили слезы то ли от дыма, то ли от обиды на Серегу. Колька по-прежнему хранил молчание, время от времени потирая шею.

– И что ты намерена делать дальше? – уже тише спросил Серега, но напряжение в голосе еще было. – Хотелось бы знать ход твоих мыслей.

– Вот, вот! Вы все знаете о ходе моих мыслей! Только о своих забываете! – Алка начала собирать на стол. – Ничего я не собираюсь делать, пусть все идет, как идет. Стасик в безопасности. А я... – Алка пожала плечами: – Поживем –

увидим!

– Ну что же, – Серега, прищурившись, смотрел на нее. – Давай, давай! Только не пожалей потом, подруга!

С этими словами он оттолкнул Николая и вышел, громко хлопнув дверью.

Накормив брата, Алка перемыла посуду и забралась с ногами в свое любимое старое кресло, которое досталось ей от родителей (второе забрал себе Колька). С тех пор, как ушел их общий друг, они не обмолвились с братом ни словом. Наконец, вздохнув, Колька спросил:

– Зачем ты отдала Сереге бумажник?

– А кому же еще? Ты вечно пьян, если не пьян, то неизвестно где, – возмутилась Алка. – А меня эта находка жгла каленым железом. А почему ему нельзя, ты, что ли, сам хотел поживиться?

– Вот еще! – брат фыркнул. – Ты хоть знаешь, что сейчас в городе творится?

– А что?

– Что! – Колька смотрел на нее тревожно. – Братвы понаехало тьма. Наглые. Девочек снимают, причем малолеток. Тьфу! Менты наши не знают, что делать, обстановка накалилась до предела. Наверняка каждый второй вооружен. А как представляю, что они по твою душу, так душа моя в пятки.

– Ну, о том, что я нашла бумажник, знаете только вы с Серегой, так что волноваться нет причин.

– Я бы так не думал, – Колька опять потер шею, что было

явным признаком волнения. – Деньги меняла? Меняла. Сразу вопрос – откуда у тебя зеленые? Когда у лужи стояла, кто-нибудь да видел. Сейчас даже у стен есть уши, а тут улица.

– Ну, остается один вариант. Забрать у Сереги этот чертов бумажник, пойти и отдать хозяину!

– Ну, придумала! Принести-то ты принесешь, а вот дойдешь ли ты потом до дома – это вопрос.

Повздыхав еще немного, Колька убрался восвояси. Укладываясь спать, Алка с грустью смотрела на Стаськину кровать: как-то там ее мальчик? И не видит-то три часа, а уже скучает.

Утро понедельника выдалось солнечным. Алла проснулась с хорошим настроением и сразу принялась за дело. Давно она уже с такой тщательностью не собиралась на работу. Уложила волосы, нанесла макияж. Долго думала, прежде чем залезть в шкаф за одеждой: что и говорить – выбор был небогатый. Вздохнув, вспомнила, сколько вещей ей покупал Влад, но все почти пришлось продать, чтобы хоть как-то удержаться на плаву. Остановила свой выбор на брючном костюме, единственном ценном, что осталось от его приобретений. Костюм был куплен в бутике и очень дорого стоил. Классический покрой его не вышел из моды до сих пор.

«Кого я хочу обольстить? – с грустной усмешкой думала Алла, повязывая легкий шарфик и накидывая курточку. – Зачем я ему? Если пять лет назад он отвернулся от меня, то

что я для него сейчас?»

Дорога от дома до работы занимала у нее чуть больше двадцати минут, и за это время она продрогла до костей. «Вот идиотка, на улице еще март, а я вырядилась! Тоже мне Мисс Городская неудачница! Не хватало еще простуду схватить».

За то время, что она добиралась, ей все же удалось заметить кое-какие перемены в городе. Выражалось это в первую очередь наличием машин иностранного производства, которых она насчитала как минимум четыре. Все пронеслись мимо нее на большой скорости. Молодежь стайками тусовалась по центральной улице, что тоже было весьма странно – выползали они обычно к вечеру. «Уж не меня ли пасут?» – опасливо озираясь, подумала Алка. Но присутствие на улицах города большого количества милиции, что тоже казалось странным в такое время, вселяло в нее уверенность.

После обеденного перерыва, позвонив Надежде, Алка едва уселась на рабочее место, как ее попросили в приемную к телефону. «Странно, – думалось ей, – кто бы это мог быть?» Но в трубке молчали. На Алкино «алло», которое она повторила минимум три раза, кто-то тихонько рассмеялся и положил трубку.

– Ну все, начинается! – проговорила она.

– Что ты сказала, Аллочка? – секретарша Верочка в недоумении уставилась на нее голубыми глазками.

– Ничего, все нормально. Спасибо, Вера. – Аллочка вымученно улыбнулась.

Никаких мыслей не шло в голову, кроме одной, засевшей в мозгу. Только один человек приглашал ее к телефону в приемную, но было это больше пяти лет назад.

После работы Алла летела домой как на крыльях. «Спрятаться, укрыться, – билось в мозгу. – Почему я не осталась у Надьки? Вот идиотка, что теперь делать?» Но когда она подошла к своей двери, ужас холодной рукой взял ее за горло – дверь была приоткрыта. Алка попятилась и что есть силы рванула на Серегин этаж. На звонки никто не открывал. Привалившись спиной к стене, она отдышалась: «А может, это Колька пьяный приходил? Все правильно, чего это я запаниковала? Ведь такое уже было, и не раз: придет, а дверь закрыть забудет».

Она медленно толкнула дверь в свою квартиру, потопталась на пороге и вошла.

– Коль, ты здесь? – дрожащим голосом позвала Алла.

Тишина в ответ казалась оглушительной. Обойдя всю квартиру, она окончательно успокоилась – все вещи на месте.

Уже застилая постель, Алла обратила внимание на маленький предмет, лежащий на книжной полке. Закусив губу и сдерживая подступающие слезы, она взяла в руки брелок для ключей. Тот самый брелок, который она подарила Владу. Подарила в дни, наполненные любовью и самых радужных надежд на будущее.

«Он был здесь! – Алка лихорадочно соображала. – Поче-

му? Что ему от меня надо? Почему не дождался? Как он вошел сюда?»

Страшная догадка пронзила ее: «Если он вошел сюда, значит, может войти кто угодно! Как же мне теперь быть тут одной?»

Молча глотая слезы страха, Алла начала баррикадировать дверь: пододвинула тумбочку от зеркала, притащила с кухни стол и тоже подперла им дверь, понимая все же, как ненадежна эта защита.

Ночь была кошмарной. Она вздрагивала от каждого шороха за дверью. Под утро забылась тревожным сном. Будильник звонил сегодня особенно пронзительно. Зарываясь головой в подушку, Алка приняла решение: сегодня она возьмет отпуск и уедет к Надежде, иначе с ума сойти можно от страха и ожидания.

Первую половину задуманного ей удалось осуществить без проблем. Работы было мало, и многих отправляли в вынужденные отпуска. Начальник с сальной улыбкой подписывал заявление, отпускавая двусмысленные замечания по поводу ее скоропалительного решения. Сцепив зубы, Алка выдавила из себя улыбку, пролепетала что-то почтительное и покинула его кабинет.

– Ну, как прошла аудиенция? – Светка еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться.

– Как всегда! – кисло улыбнувшись, Алка начала прибирать рабочее место. – Ты же знаешь Анатолия Григорьевича,

он как всегда – сама любезность.

– Ну, милочка! Ни для кого не секрет, что этой любезностью пользуется далеко не каждый работник нашего управления, – Светка наконец не выдержала и заржала. – И почему ты его не жалуешь? Такой импозантный мужчина!

– Ага, если бы еще раз в месяц голову мыл, цены бы ему не было.

Тут не выдержала и Алка, и они в два голоса захохотали.

– А если серьезно, Ал, чего это ты вдруг надумала? Ты же хотела в августе отпуск брать.

– Обстоятельства, – туманно ответила Алка.

– Да знаю я твои обстоятельства, – Светка отмахнулась. –

По городу на «Форде» разъезжают.

– Видела уже?

– Видела. Полна машина девок, тоже мне! Ты его ребенка воспитываешь, а он даже и знать про него не знает! – возмущение Светки достигло предела. – Теперь еще кому-нибудь ребенка сделает! Казанова, мать твою...

– Да ладно тебе, Свет, не кипятись, – на Алку вдруг накатила чудовищная усталость. – Никого я не хочу видеть, и знать тоже. Пусть развлекается, как хочет. А Стасик... Он ведь только мой и ничей больше. Давай больше не будем об этом.

Алла медленно брела вдоль улицы. Подходя к месту, где имела несчастье поднять злополучный бумажник, она обнаружила, что за ней на расстоянии трех шагов медленно едет

«Форд». Алка вскинула подбородок и как можно увереннее зашагала дальше, благо препятствий больше не было – лужа под лучами весеннего солнца высохла и испарилась.

– Красавица! – окошко на месте водителя опустилось. – Не подвезти?

– Спасибо, не надо, – бросила девушка, не оборачиваясь.

– Какие мы гордые!

Машина обогнала ее, резко затормозила, преграждая дорогу.

– В чем дело? – стараясь говорить спокойно, Алла отступила на шаг назад. – По-моему, вы не в себе.

– Не твое дело, – рявкнул он.

Тут только она разглядела говорившего. Более отвратительной рожи ей видеть не приходилось: череп совершенно лысый, глубоко посаженные глаза, а вместо губ тонкие синие полоски. «Бр-р-р», – поежилась Алка с отвращением.

– Позвольте мне пройти! – она еще выше подняла подбородок.

– А если не позволю, то что? – Лысый заухмылялся. – Полицию позовешь?

– Может, и позову. Будете вести себя прилично, разойдемся по-хорошему, – она поправила шарфик.

– А я всегда веду себя прилично, – нагло заявил он и заржал, в машине кто-то поддержал его. Успокоившись, он продолжил: – Разговор есть, красавица. Садись в машину и не дури.

Тут Алка увидела, как со стороны перекрестка в ее сторону идет Володька Самохин, бывший Колькин сослуживец. Насколько она помнила, он до сих пор работал в милиции и был сейчас как раз кстати. Радостно заулыбавшись, она подняла руку и отчаянно замахала ему, привлекая внимание. Со стороны можно было подумать, что встреча эта была не случайной.

– Володя, привет! – проворковала Аллочка подошедшему и подхватила его под руку.

– Что тут происходит?

– Да вот этот «Кудряшка Сью» решил подвезти меня и очень настаивает, – щебетала девушка, а сама старалась увести Володю подальше от этого места.

Лысый посерел и протянул:

– Ну, ну! Смотри, как бы твое красноречие боком тебе не вышло.

– Вы мне угрожаете? – самая милая улыбка озарила лицо Аллы. – При работнике милиции это не совсем уместно.

Машина резко рванула с места. Коленки у Алки дрожали так, что она привалилась к Володе и прошептала:

– Пошли отсюда быстрее, а то я сейчас упаду.

– Ты хоть объясни толком, что произошло, – Володя смотрел на нее с недоумением.

Алка в двух словах обрисовала происшедшее, на что он сурово заметил:

– Ты смотри, поосторожней с ними. Их тут сейчас знаешь

сколько понаехало? Мы с ног сбились. Вторые сутки дежурю, домой даже не появлялся. Слет тут у них, что ли, какой, черт его знает?

«Черт-то, может, и не знает, а я знаю», – с тоской подумала Алка.

– Ты Кольку не видел?

– Нет, а зачем он тебе?

– Ну, учитывая, что он мой брат, вопрос звучит несколько странно, – вышагивая рядом с Володей, молвила она. – Он мне нужен, очень!

– Брат, – насмешливо протянул Володя. – Много добра-то для тебя сделал этот брат? Ты с ребенком билась как рыба об лед, а он горе свое заливал, ничего не видя вокруг. Все потерял! А прежде всего – себя!

Выругавшись, он с жалостью посмотрел на помрачневшую Алку.

– Как подумаю, что они все с тобой сделали!

– Кого ты имеешь в виду? – устало сказала Алла.

– Да всех их! – он остановился и в упор посмотрел на нее. – А этот вечный ухажер твой! Тоже мне – герой-любовник...

– Ну, почему. Он помогал мне, предлагал несколько раз выходить замуж, – мямлила она.

– За-муж, – передразнил Володя, растягивая слово. – А что дальше? Знаю я его как облупленного. Когда Влад залетел, как он тут засуетился! Если бы ты знала, что тогда было!

– А что было? – Алка непонимающе смотрела на него во все глаза.

– Да так. К чему сейчас ворошить прошлое. Скажу честно, у меня в то время кулаки чесались, – так хотелось этому Сереге морду набить.

– Да за что?! Поясни хоть толком! – она повысила голос, ситуация начинала все меньше ей нравиться.

– Дрожишь ты вся, – он поднял ей воротник и взял ее руки в свои. – Чего вырядилась-то так, заболеешь.

– Ты мне зубы не заговаривай, говори, что знаешь.

– Деловая! – Володя хохотнул. – Я много чего знаю. Пошли лучше куда-нибудь, по рюмашке выпьем, посинела вся.

Подхватив девушку под руку, он повел ее в единственный открытый в это время бар. Подобных заведений в городе было немало, чем Алка постоянно возмущалась. Нет бы для детишек что-нибудь сделали! В выходной день с ребенком сходить некуда, мороженое съесть негде. А если выпить соберешься, то пожалуйста, к вашим услугам все, что пожелаете.

В баре было пустовато. Усевшись за дальний столик, Володя заказал выпивку.

– Может, уже и покушать пора, время-то обеденное?

– Да, закажи чего-нибудь, – Алка пожала плечами. – Дома в одиночестве есть не хочется.

– А малыш что, компанию не составит?

– Я его на отдых отправила, к подруге.

– Это ты правильно сделала. И уж если учитывать крими-

ногенную обстановку в городе, то решение верное. Только не ему, а тебе отдыхать нужно. Чего эти ребята на «Форде» хотели от тебя? – Володя пылливо смотрел на Алку.

– Ну, вот в тебе и заговорил опер, – усмехнулась она. – Протокол будешь вести?

– Зачем ты так! – обиженно засопел Володя. – Я же помочь хочу. От них добра ждать нечего, а ты вон, как тростинка на ветру. Голову в горе преклонить не к кому.

– Я сейчас расплачусь от жалости к себе, – Алка усмехнулась. – Подвезти они хотели. Думаю, просто клеились. Ладно, давай покушаем, я что-то и впрямь проголодалась.

Они с жадностью набросились на еду. Готовили в этом месте отменно. Пока ели, перебрасывались ничего не значащими фразами.

Володя уже расплачивался с официантом, когда дверь с шумом распахнулась и в бар ввалилась шумная компания. Алла оцепенела, в ужасе глядя на входивших. Мужчин было пятеро. Их спутницы – четверо длинноногих, безликих малолеток – беспрестанно что-то щебетали и хихикали. Из всей этой компании выделялись двое: первый был тем греческим божеством с фотографии на правах. Надо было признать, что в жизни он был еще прекраснее.

Вторым был Влад!

Он изменился с их последней встречи. Стал взрослее, суровее, на глупые шутки спутниц не реагировал. Она заметила, что он сменил прическу. Волосы были коротко под-

стрижены и уложены назад. «Сколько же ему усилий понадобилось, чтобы сделать свои кудри такими послушными?» – мелькнуло в мозгу у Алки. В следующий момент она едва сдержалась, чтобы не застонать. Влад повернулся и посмотрел на нее в упор. Лишь мгновение они смотрели друг на друга, но она успела заметить, как ненавистью полыхнули его глаза и уголок рта брезгливо опустился, затем он отвернулся.

– Пойдем отсюда, Володя! – еле шевеля губами, простонала Алла. – Я хочу уйти!

– Не волнуйся, я сейчас позвоню, вызову машину и отвезу тебя домой. На улице прохладно, а ты вон как легко одета.

Он взял ее руку, поднес к губам, нежно поцеловал и с улыбкой пробормотал:

– Пока ты со мной – ты в безопасности. Посиди немного, я сейчас приду.

Не успела Алла возразить, как он исчез в направлении комнаты администратора – там был телефон.

Тысячу раз за эти пять лет она представляла себе встречу с Владом, но никогда не думала, что он будет смотреть на нее с такой ненавистью. С равнодушием – да, но только не с ненавистью. «Уж у кого есть причины для ненависти, так это у меня! – возмутилась про себя Алла. – Надо же – какая оскорбленная добродетель! Ничего общего с нашей первой встречей», – горько усмехнулась она. В тот день Влад смотрел на нее с изумлением и нежностью, будто видел перед со-

бой что-то особенное, чего никогда раньше он в жизни не видел. Так он впоследствии и говорил: «Ты – единственная девушка, которую я хочу любить. Я буду всегда заботиться о тебе и оберегать!»

Как много было сказано таких слов! Сколько сладких бессонных ночей провели они вместе! Алка в те дни ничего и никого вокруг не замечала, для нее существовал один Владик. Встречами с ним она жила. Они строили планы на будущее, которое казалось таким счастливым и безоблачным.

«Мерзавец! – Алка вновь взорвалась про себя. – Все врал! Был женат, а говорил, что осенью заберет меня в Москву и мы будем жить вместе! Подлец!» Комок подкатил к горлу, слезы готовы были вот-вот пролиться, поэтому она не сразу услышала вопрос, обращенный к ней:

– У вас не занято? – Почти за ее спиной стоял Сошедший с Олимпа и, улыбаясь, вопрошал: – Девушка, вы меня слышите? Мне можно присесть?

– Да, да, конечно. Я уже ухожу, – схватив сумочку, Аллочка порывисто вскочила: «Где же Володька-то, он что, в Мексику звонит, что ли?»

– Ну что вы! Не уходите, – присев, он все так же приветливо улыбался. – К тому же, я думаю, у нас есть о чем поговорить.

– Не думаю. Всего доброго. – Алка повернулась, чтобы уйти, но Влад, преграждая ей путь, властно приказал:

– Сядь!

– Не смей мне приказывать! – Алка с негодованием попыталась обойти его, но не тут-то было.

Легко приподняв ее за локти, он почти швырнул ее на стул:

– Я сказал – сидеть! – и, все так же не повышая голоса, продолжил: – Мента твоего пока нет, так что поговори с моим другом.

Дрожащим от напряжения голосом Алка возмутилась:

– О чем мне с вами разговаривать?

– Ну, для начала давайте познакомимся. Меня зовут Игорь, – представился обладатель прекрасной наружности. – А вы, я так понимаю, старая подруга Влада и зовут вас Аллой? Я прав?

– Почти.

– В чем же ошибся? – продолжая лучезарно улыбаться, Игорь развалился на стуле.

– Меня действительно зовут Аллой, но вот остальное... – она сделала многозначительную паузу. – Если у Владика и есть старые друзья, то они за Амуром лошадь доедают! – Аллочка скромно потупила глазки.

Ответом ей был заразительный смех новоиспеченного знакомого:

– Нет, ну ты молодец, а! Люблю девушек с юмором!

– Давай к делу, – недовольно обронил Влад, пригвоздив девушку взглядом. – Разговорчивая стала, да?

Алка ничего не ответила, только ножкой покачивала:

– Так о чем пойдет разговор? Только прошу вас побыстрее, – она выразительно посмотрела на часы и уставилась на Игоря. – Свидание! Так что...

– Понимаем, не дураки. Так вот, у меня пропала одна вещь. – Он сделал паузу. – У нас есть подозрения, что ты ее каким-то образом нашла. Что скажешь?

– Не понимаю, о чем речь, – Алла нервно сглотнула. – Поподробнее нельзя?

– Все ты понимаешь, детка! Не надо строить дурочку, а то я перестану быть приветливым, – улыбка действительно исчезла, и на девушку смотрело холодное безжалостное лицо.

Алла поежилась, начиная понимать, что перед ней самый настоящий бандит и что с этой минуты за ее жизнь никто не даст ни копейки.

– Я действительно не понимаю, – она вскочила, увидев шедшего к их столику Володю. – Очень приятно было познакомиться.

Рванувшись к нему навстречу, Алка услышала слова, брошенные негромко ей вслед:

– Ну ничего, детка. Встреча наша не последняя.

«О боже! В какое дерьмо я влипла! Надо срочно разыскать Серегу! Иначе мне несдобровать!» – лихорадочно сообщая, Алка тащила Володю к выходу.

Уже сидя в машине, она немного перевела дух и укоризненно посмотрела на своего спутника:

– Тебя только за смертью посылать! Ты чего там, уснул,

что ли?

– Надо было сделать несколько звонков, – он внимательно смотрел на нее. – А ты, я гляжу, становишься популярной. Дважды за день тебя пытаются снять, да такие крутые ребята! Дела!

– Им от скуки делать нечего, вот и пристают к кому не лень, – она изо всех сил старалась казаться равнодушной.

– Ты смотри, Ал. Если что не так, скажи. С этими ребятами шутки плохи, – Володька озабоченно поглядывал на нее.

Ох, как велико было искушение рассказать все Володе! Но она быстренько одернула себя: и так слишком много посвященных. Все, что ей сейчас нужно, это найти Серегу, а потом быстренько слинять из города.

Но Серега как сквозь землю провалился. Она долго звонила и стучала, один раз с досады даже заехала по двери ногой. Но в ответ – полная тишина. «Куда же он мог подеваться? Зачем я отдала ему свою находку? Вот и дергайся теперь, как не знаю кто». Размышления ее прервала заливистая трель звонка.

– Кто там? – стоя у двери, Алла слышала, как громко стучит ее сердце.

– Алла, голубушка, открой, пожалуйста. Соль кончилась, а в магазин идти не хочется, что-то ноги совсем разболелись.

Облегченно вздохнув, Алка открыла соседке по площадке и повела за собой на кухню.

– Теть Марин, ты никого вчера не видела? Ну, то есть ко мне вчера никто не приходил?

Соседка зыркнула на Алку глазками-щелочками и запела:

– Да не знаю я, вчера весь день стирала. Может, и приходил кто, не видела. А кого ты ждешь-то?

– Да должны были вещь одну занести, – насыпая соль в стакан, Алка злорадно подумала: «Ее и занесли». – А может быть, в окно кого видели?

– Нет, не видела, – соседка, пряча глаза, молча взяла соль, поблагодарила и ушла.

«Видеть-то ты видела, только вот почему молчишь – непонятно. Всех своим шумным появлением в городе запугали. Тоже мне!»

Заканчивая возиться с домашними делами, Алла услышала, как в дверь опять позвонили. Тетя Марина с виноватым видом, пройдя на кухню, зашептала, будто их кто мог подслушать:

– Аллочка, детка. Не сказала я тебе, да душа вся изболелась. Был он вчера у тебя!

– Кто, тетя Марин?

– Этот, ну... – она замаялась, потом рукой махнула, чего, мол, тут огород городить, – Стаськин отец.

Алка покраснела. Никогда соседка не спрашивала о том, чей Стасик сын. Да и Алкина сдержанность в отношении соседей не располагала к расспросам, а тут...

– Когда он был?

– Я как раз пододеяльник последний вешала. Смотрю, машина такая красивая, иностранная подъехала. Вышел он, огляделся. Красив, черт его заberi, как артист! Около двери твоей долго стоял. Не звонил, нет. Просто стоял. Потом ключи достал, целую связку, дверь открыл и вошел. Пробыл недолго. Дверь не закрыл и ушел.

– Теть Марин, ну ты даешь! Как же ты все это разглядела? У тебя даже глазка в двери нет! – Алка во все глаза смотрела на соседку.

– А зачем мне глазок? Что через него увидишь-то? – она презрительно фыркнула. – У меня в двери дырочка такая хитренькая – все видать. Ал, а ты проверила – ничего не пропало?

– Да нет, что ему у меня брать-то. Он, видишь, какой крутой! – Алла огорченно покачала головой. – Он не за этим приходил.

– А зачем?

– Хотела бы я знать!

– Аллочка, деточка, это еще не все!

– А что еще? – Алла сразу насторожилась, уж слишком загадочной стала соседка.

– За тобой следят!

– Что?! – девушка в изнеможении опустилась на стул. – Час от часу не легче! А как?.. Подождите, тетя Марин, а как вы об этом узнали-то?

– Видела! – соседка налила стакан воды и протянула Ал-

ке. – Пей!

Сделав паузу, продолжила:

– Следит за тобой паренек такой ушастенький. Лет семнадцать ему, невысокий. Кепка у него вот такая, – тетя Марина показала рукой, как должна была выглядеть кепка. – А уши в разные стороны торчат. Вчера тебя с работы до самого подъезда вел. Ты идешь, а он в сторонке, шагов на десять сзади. Я бы, может, и внимания на него не обратила, только сегодня утром мусор выношу, рано было, ты еще не выходила, а он уже крутится тут. Я так и ахнула! – она всплеснула руками. – Ну, думаю, не иначе тебя опять дожидается. И точно! Только ты вышла, он следом за тобой.

Алла сидела ни жива ни мертва, вполуха слушая соседку. Она сразу поняла, о ком идет речь. Этого парнишку она мысленно окрестила Чебурашкой, еще когда меняла у него доллары.

А тетя Марина между тем продолжала:

– Сегодня тебя ведь на милицейской машине привезли, так?

– Так, – упавшим голосом подтвердила девушка.

– А он уже во дворе был! Только увидел машину, юркнул в соседний подъезд, только козырек от кепки торчит. Такие вот дела! Не иначе этот твой, – она замялась, – приказал ему следить за тобой!

– Да, дела! – протянула Алла. – Молодец, тетя Марина! Ты настоящий друг! Если что еще увидишь, сразу рассказывай,

хорошо?

– А как же, деточка? – от собственной значимости соседку аж распирало. – Я получше милиции все примечаю, только помалкиваю. Серега вон, дружок-то ваш вечный, – она подняла голову и посмотрела наверх.

– А что Серега? – Алла сразу насторожилась. – Кстати, тетя Марин, ты не знаешь, где он может быть? Он мне так нужен, а я его нигде не могу найти.

Тетя Марина стала еще загадочнее:

– И не найдешь! Серега этот делами какими-то крутит. По ночам все шастает куда-то. А один знакомый мой, он на кладбище смотрителем работает, так вот этот мой знакомый говорит, что видел раза три Серегу на кладбище.

– Ну и что! Ему есть к кому туда ходить, – печально заметила Алла.

– Так-то оно так, только что ему там делать ночью? – торжественно закончила соседка.

– Ночью?! – ахнула Алла. – Вот это да!

– Вот и я об том же! И примечать стала: как на кладбище-то сходит ночью, так пропадает потом недели на две, а то и на месяц. Ох, чует мое сердце, неспроста это, неспроста!

Повздыхав и поохав еще минут десять, тетя Марина распрощалась с Алкой и ушла.

«Что же делать-то мне теперь? И уехать не смогу. Если они за каждым моим шагом следят, то я их прямо на Надеж-

ду и выведу. Нет! Это единственное мое пристанище. Нельзя! Там Стасик!» – Алка вконец расстроилась, тоска по сыну глодала сердце, да и встреча в баре не способствовала поднятию настроения.

«Разговаривал со мной, как с пустым местом! – с горечью думала она. – Я ведь ему ничего плохого не сделала! Так любила его, а он все перечеркнул!» Под конец своих рассуждений она не выдержала и расплакалась. Обрывочные воспоминания теснились в мозгу, тихие всхлипывания грозили перейти в настоящую истерику. Заставив себя подняться и пойти в ванную, решила не травить себя больше: «Ревнуй ревни, прошлого не вернуть! – Алка достала благословенную пачку сигарет и закурила, попутно поставив чайник. – Надо что-то делать, а не жалеть себя и не сидеть, как мокрая курица!» – глубоко затягиваясь, ругала себя она.

Вдоволь напившись чаю и перебив посуду, Алка уселась перед телевизором и погрузилась в размышления. Но сколько ни ломала голову, так ничего и не надумала. Слишком много всего произошло за эти дни, и события никак не хотели укладываться в логическую цепочку. «Чертовщина какая-то! И чего Сереге на кладбище делать, да еще ночью! – внезапная догадка, как вспышка молнии, озарила ее. – Черт, как же я сразу-то не догадалась! Надо завтра постараться отделаться от этого ушастика и наведаться туда».

Засыпая, Алка подумала: «А Владик все так же красив! Интересно, что он обо мне подумал, увидев? Я вроде бы

неплохо сегодня выглядела. – Захихикала, переворачиваясь. – И как это у меня вырвалось про друзей за Амуром?»

А во сне Влад опять, как и прежде, любил ее. Он ласкал ее стройное тело своими умелыми руками, шептал слова, от которых кружилась голова. Все было прекрасно, как и раньше. Только теперь она не была уже той робкой, застенчивой девушкой, краснеющей от каждого его откровенного взгляда. Она теперь отвечала страстью на его страсть. Она металась по кровати и стонала, хватая ртом воздух и задыхаясь от желания, охватившего ее разгоряченное тело. «Люби меня, пожалуйста, люби меня!!!» – шептала она, комкая простыню руками. Целомудрие и бесстыдство переплелись в эту ночь, даря наслаждение им обоим.

Вдруг что-то загремело вдалеке, и Влад стал растворяться в воздухе, будто это был вовсе и не он, а призрак какой-то. «Пожалуйста, не уходи! Не бросай меня вновь! Я не могу без тебя!» – Алка кричала что есть мочи, пытаясь удержать видение, но оно становилось все призрачнее и призрачнее, пока не исчезло совсем. Что-то вновь загрохотало, и Алка проснулась.

Резко сев на кровати, долго не могла встряхнуться. Обхватив себя дрожащими руками, Алка подошла к окну. На улице всюю полыхала весенняя гроза. «Вот что меня разбудило», – вяло подумала она, опуская штору.

Встав под прохладный душ, Алка размышляла: «Второй раз за неделю он снится. У него жена да наверняка и куча

любовниц. А я с ним всю ночь любовью занималась. Забудь о нем!» Сама же прекрасно сознавала, что никто ей, кроме него, не нужен.

Сколько раз за эти годы одиночества приглашали ее на свидания! Ничто ее не прельщало. «А все потому, что в глубине души ты никогда не переставала любить его! Хотя знаешь, что, кроме горя, ничего он тебе не принесет!»

Ругая себя на чем свет стоит, Алка прошла на кухню, заварила чай и по привычке сняла трубку своего горе-телефона. Но друг ее детства упорно молчал.

Дождь за окном лил как из ведра. «Вот погодка-то. А я на кладбище собралась. Хотя, может, оно и к лучшему – некому будет глазеть на меня. От слезки еще отделаться надо, – Алка хохотнула. – Ну прямо агент 007, хотя мужик не дурак был и у него есть чему поучиться».

Натянув старенькие джинсы и кроссовки, убрав волосы под берет и застегнув куртку, она взялась за ручку двери и потянула ее на себя. То, что она увидела в следующий момент, заставило ее замереть от ужаса. Сердце, казалось, на мгновение остановилось, а после забилось в бешеном ритме. А потом она завизжала, пронзительно и тонко! Визжала, пока не начали хлопать двери соседей и кто-то не подхватил ее под руки и не оттащил в сторонку. Вокруг нее хлопотали какие-то женщины, вливали ей в рот горькое лекарство и все время гладили по голове и плечам, уговаривая успокоиться.

Но увиденное вновь и вновь вставало перед глазами: на лестничной площадке, упираясь головой в косяк ее двери, вверх лицом лежал лопухий мальчишка. Вернее, труп, потому что горло его от уха до уха было перерезано. Лужа крови под ним показалась ей огромной. «Неужели в человеке так много крови? Почему у моей двери?! Ведь он мальчик совсем!» – мысли скакали как угорелые, тело сотрясала крупная дрожь. Алка не выдержала и разрыдалась.

Кто-то вызвал милицию, и опера, вполголоса переговариваясь, приступили к работе. Надо сказать, что работала опергруппа слаженно и четко – ни бестолковости, ни суеты. Первым делом опросили всех присутствующих, постепенно отсеивая тех, кто ничего толком не мог сказать. Тетя Марина была гвоздем программы, вещала обстоятельно, то и дело кивая в Алкину сторону. Труп упаковали и увезли, соседи разошлись по своим квартирам, и Алка осталась наедине с оперативниками и со своими страхами.

К ней пока никто не подходил – то ли из уважения к ее потрясению, то ли в память о том, что Колька, ее брат, когда-то был одним из них. Она сидела, сжавшись в комочек, в кухне на стуле, то и дело бросая взгляды на открытую дверь прихожей. Очерченный мелом силуэт да лужа крови – вот и все, что осталось от ушастого. Алка опять всхлипнула, отказываясь верить в происходящее. Кто-то наклонился над ней, заботливо взял за руку, нащупывая пульс:

– Как ты, Алк? – на нее с сочувствием смотрел Володька

Самохин.

– Володь! Это что такое, а? – она уткнулась носом в его пальто и запричитала: – Он же ребенок совсем! Такая страшная смерть! Почему, когда милиция так нужна, ее никогда не оказывается рядом?!

Он достал платок и начал утирать ей лицо.

– Ты сейчас поедешь со мной, оставаться здесь одной тебе нельзя!

– Сейчас нельзя, а завтра что, можно будет, да? А завтра, может, меня вот так! – Алка заголосила: – Володя, я боюсь! Мне страшно!

– Алк, вставай. Поехали, – терпеливо уговаривал упирающуюся Аллу Володька, потом, чертыхнувшись, подхватил ее на руки и пошел к выходу.

Сдав ее в машине с рук на руки седоволосому врачу, Володька пошарил у нее в сумке:

– У тебя где ключи от квартиры, мне дверь закрыть нужно.

– Зачем, – она истерично захихикала. – Туда может войти кто захочет и когда захочет. Дверь – не препятствие для тех, кто может запросто перерезать горло человеку.

Последние слова она уже еле произносила, лязгая зубами.

– Ты давай, сделай все, что нужно, – обращаясь к врачу, озабоченно бросил Володька. Он нашел наконец ключи и пошел назад к подъезду.

Осторожно, словно она была фарфоровой статуэткой, врач снял с нее куртку, задрал рукав ее свитерка и перетянул

руку жгутом.

– Давай, малышка, поработай ручкой, – он похлопал ее по руке и медленно ввел иглу в вену. – Так, умница! Сейчас еще один сделаем, и все в порядке.

Он вытащил шприц, оставив иголку в руке.

– Сейчас, потерпи немного!

Алла тупо следила за его манипуляциями. Володя вернулся, проводил врача к машине «Скорой помощи», взял у него какие-то лекарства, и они поехали. Долго петляли по улицам города, пока не подъехали к старенькому, покосившемуся домику.

– Это что за особняк? – равнодушно спросила она, сонно поводя глазами, – уколы начали наконец действовать.

– Спрятаться тебе нужно. Это ненадолго, – Володя протянул ей руку. – Пошли, малышка. Я тебя провожу.

– А я что, здесь одна буду жить? – она зябко поежилась. – Я одна боюсь! Тут кругом все как вымерли!

Пустынная улица служила подтверждением ее слов. Алка озиралась по сторонам и постепенно начала узнавать один из районов старого города. Строительство здесь не велось, властям нецелесообразно и дорого было подводить сюда коммуникации, поэтому район этот постепенно ветшал. Многие дома пустовали, кое-где виднелись заколоченные крест-накрест окна.

– Володя, да ты что? – Губы ее задрожали, из глаз опять брызнули слезы. – Тут же как в пустыне. Меня резать будут,

а на помощь прийти некому.

– Сегодня в твоём доме убили человека. Населяют его, дом-то твой, как минимум человек пятьдесят. – Голос Володьки стал жестким, последние слова он почти прокричал: – Так вот, я спрашиваю: спасло это того паренька?!

Он устало потер глаза:

– Давай, Ал, не дури. Тебе придется набраться немного храбрости и потерпеть. Да и я буду заезжать.

Опустив плечи, Алла побрела за Володькой в дом. Он толкнул дверь, она открылась на удивление легко и без скрипа. Что предстало перед ней в комнате, заставило открыть рот от удивления. То, как был отделан и обставлен дом внутри, отвечало самым требовательным запросам. Но добил ее радиотелефон.

– Это что за пещера Али-Бабы? – плюхнувшись в широкое кожаное кресло, спросила Алка, тараща глаза по сторонам.

– Нравится? – Володька довольно улыбнулся. – Это у нас штаб-квартира! Об этом месте знают всего три человека, так что ты не сильно переживай.

– А кто эти трое?

– Двое находятся здесь, – он присел перед ней на корточки и потрещал за подбородок. – А третьего тебе знать не надо. Ничего не бойся, никуда не выходи! В доме есть все, что тебе нужно.

– А туалет? Он ведь на улице?

– Обижает! – он встал и, взяв ее за руку, повел знако-

миться с временным пристанищем.

Домик был маленьким, но все в нем устроено так, что он мог бы стать приютом для нескольких человек – и не на один день. Холодильник был доверху загружен продуктами. Кухонные полки ломились от импортных упаковок с различными деликатесами. У Алки глаза разбегались от такого изобилия.

Были здесь и туалет, и душ. Выложенные кафелем помещения, правда, были мизерные, но, учитывая Алкины габариты, это мало ее волновало.

После получасовых инструкций Володька подошел к тумбе, на которой стоял телевизор, сунул руку в один из ящиков и извлек на свет божий пистолет:

– Это на всякий случай. Не пугайся, – успокоил он, увидев ее округлившиеся глаза. – Надеюсь, тебе не придется его применять. Не забыла еще как пользоваться?

– Нет, не забыла, – фыркнула Алка. – Как меня муштровали мои учителя, разве забудешь!

Володька довольно заухмылялся. Много слез пролила Алка, пока они с Колькой учили ее стрелять. Вывозили в старый отработанный карьер и начинали изводить ее инструкциями. Много раз, разозлившись на них, она бросала все и посылала их куда подальше. Но природное упрямство брало верх, и она снова и снова ездила с ними.

Попрощавшись с Володькой, Алка начала кружить по дому. Остановившись около телефона, долго думала, но потом

не выдержала и набрала Надькин номер. Долго никто не подходил, наконец трубку сняли и она услышала родной голос сына:

– Але! Кто там? – он захихикал. – Mamочка, это ты?

– Я, милый мой! – горло сдавило. – Как ты там?

– Хорошо, – коверкая слова, малыш пустился в объяснения. Алка слушала, время от времени вставляя вопросы. Вдоволь наговорившись с матерью, Стасик передал трубку Надежде:

– Ну, рассказывай, мамуля дорогая! Как ты там? Видела его?

– Видела! – Алка всхлипнула. – Я для него – ничто, пустое место. Понимаешь? Он смотрел на меня как на пустое место!

– Ладно, не паникуй. Ты как хоть выглядела-то, что на тебе было надето?

– Да не в том дело! Неплохо я вроде выглядела, костюм на мне был. Тот, помнишь, один-единственный мой.

– А, тогда все в порядке. Ты в нем потрясно выглядишь, – довольно протянула Надежда. – Он же не слепой! Должен был увидеть, какая ты стала интересная женщина!

– Ага, да еще старше на пять лет, – не удержавшись, съязвила Алла. – А с ними малолетки были, знаешь, из той серии: ноги от ушей, груди из подмышек. Что я рядом с ними? Так, мышка серая!

– А ты не ревнуй, не ревнуй! – хохотнула Надька. – Все приедается! И что, действительно ничего в глазах-то его не

промелькнуло?

– Промелькнуло! – Алка усмехнулась. – Ненависть лютая!

– Вот это да! – Надька ахнула. – Ну, мамуля дорогая! Это уже кое-что!

– Ага, кое-что! – возмутилась Алка. – Я его ненавидеть должна, а не он меня, поняла?!

– Поняла, – миролюбиво согласилась Надька. – Ты не отчаивайся, Ал! Ненависть – тоже чувство. До этого человека еще надо довести.

Алка задохнулась от возмущения:

– Я довела, да?! Ну, спасибо!

– Не кипятись ты. Я ж тебе сказала в тот раз – чем больше я обо всем думаю, тем больше у меня вопросов. Что-то тут не так! Очень многое не сходится. – Помолчав немного и посопев в трубку, она продолжила: – Ненависть, говоришь? Интересно! Очень даже интересно!

– Да ладно тебе Фрейда-то из себя строить! – фыркнула Алка. – Я просто не одна была, а с Володькой Самохиным, а он мент. Получается – враг его заклятый. Все просто, Надюш. Ты лучше расскажи, как там сына моего воспитываешь?

Разговор еще минут десять крутился вокруг Стасика.

Вдоволь наговорившись, подруги повесили трубки. Об утреннем происшествии Алка рассказывать не стала: зачем тревожить Надежду. Она вон и так как на иголках – переживает за нее.

Алла включила камин, поставила на плитку сковороду и начала готовить себе ужин, потому как день почти закончился – на улице заметно потемнело. За ужином Алла не переставала думать об одном и том же: «Кому нужна была смерть этого подростка? Кому надо было посылать его следить за мной?» Перемыв посуду и выключая свет на кухне, Алка вздохнула: «Права Надежда – чем больше я узнаю, тем больше неясного. А у нее чутье! Причем профессиональное, репортажи-то ее ох какие были!..» Приняв душ, девушка еще раз обошла весь дом, проверяя запоры на окнах и двери. Укутавшись в теплый махровый халат, найденный на одной из полок шкафа в спальне, Алка задремала перед телевизором. Проснувшись она как от толчка – под окнами кто-то ходил.

«Нет, мне показалось!» – Алка настороженно стала прислушиваться, но так больше ничего и не услышала. Взяв в руки пистолет и сняв его с предохранителя, девушка погасила свет и начала потихоньку, крадучись, обходить дом. Тишина кругом была оглушительной. «Совсем нервы сдают», – поевшись, Алка забралась под одеяло.

Кроватью служила широкая тахта, все спальные принадлежности она еще загодя нашла в кладовке. «Надо постараться успокоиться и уснуть – утро вечера мудренее!» Уже проваливаясь в сон, она подумала: «Если кто захочет со мной расправиться, то лучшего места не найти».

Молодая женщина спала. Свет луны падал из окна на ее лицо. Во сне оно было по-детски трогательным и беззащитным. Одна рука была закинута наверх, а вторая пряталась под подушкой.

Мужчина тихо стоял над спящей Аллой и, казалось, размышлял. Он усмехнулся про себя: «Что она, интересно, там прячет? Уж не пистолет ли? Можно подумать, она успеет пустить его в ход! Мне одной минуты достаточно, чтобы дотянуться до ее тонкой шейки!» Рука потянулась к ее лицу. Но он не сделал того, что собирался, а только осторожно провел пальцем по ее губам. Она судорожно вздохнула, что-то проворчала и повернулась на бок. Одеяло съехало, открыв его взору стройные ноги. Он молча выругался про себя: «Надо убираться отсюда, пока я еще способен контролировать ситуацию!» Но не тронулся с места, а все смотрел и смотрел на нее. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем он круто развернулся и вышел из комнаты.

Солнце светило вовсю, и за окном щебетали воробьи. «Чего они расчирикались? – потягиваясь, вяло подумала Алка. – Который сейчас час, интересно?» Поднеся руку с часами к глазам, она ахнула. Они показывали половину двенадцатого. Быстренько приняв душ и наскоро перекусив, Алка направилась к телефону. Набирая Володькин номер, обводила комнату глазами и только тут заметила то, на что прежде не обратила внимания. Следы!!! Следы от мужских ботинок! Они шли от входной двери и обрывались в спальне. «О бо-

же!!! Кто здесь был ночью?» То, что следы не Володькины, она знала точно – после его ухода она все тщательно убрала. «Володечка! Ну возьми, пожалуйста, трубку!» – Алка чуть не плакала, покусывая губы. Но гудки один за другим уходили в пустоту. Ясно – Володьки на месте не было. Она заметалась по комнате – надо было что-то делать.

Решение всплыло само собой. Лихорадочно натягивая на себя одежду, она то и дело поглядывала на телефон, но никто ее сегодня не беспокоил. Алка невесело усмехнулась: «Если вы думаете, что я буду сидеть и ждать, когда меня тут прикончат, то вы, ребята, глубоко заблуждаетесь!»

Окинув напоследок комнату критическим взглядом, она вышла из дома. Как она и думала, вся земля под окнами и у входной двери была истоптана. «Значит, мне не показалось вчера!» Алка пошла, ускоряя шаг, к автобусной остановке.

Уже подъезжая к кладбищу, Алла поежилась: не любила она сюда ходить в одиночестве. Быстро вышагивая по дорожкам между могил, женщина то и дело оглядывалась. «Прямо как преступница какая-то! – невесело думалось ей. – У меня ведь здесь родители похоронены, а через две могилки от них – Колькина жена. Так что ничего странного в моем посещении нет!»

На кладбище в этот день было немногочисленно. У входа четверо мужиков копали могилу. Две одинокие старушки, взявшись под руки, не торопясь бродили от одной могилы к дру-

гой.

Место, где покоились Алкины родители, ничем не отличалось от многих других, разве только тем, что надгробье было большим, накрывшим сразу два холмика. Колька, правда, хотел все сделать по-другому. Но мастера как всегда что-то там напутали с размерами, и получилось: два памятника, а надгробие одно. Отделано оно было мраморной плиткой и выглядело вполне прилично. Колька сначала хотел возмутиться, но потом махнул рукой: а то сделают еще хуже.

Протирая носовым платком фотографии родителей, Алка зорко поглядывала по сторонам. Кругом никого не наблюдалось. Она быстро присела на корточки и, вздохнув и мысленно перекрестившись, приподняла одну из плиток.

Тайник этот Алла чисто случайно обнаружила два года назад. Перед каким-то церковным праздником она убиралась на могилке и отошла за водой для цветов, а когда возвращалась, то увидела Серегу. Он, как-то странно сгорбившись, присел у могилы и что-то рассовывал по карманам. У нее глаза полезли на лоб: что такого можно было там найти, чтобы унести с собой?! Все это он проделал быстро, тут же поднялся и, не поднимая головы, ушел. Зайдя за ограду, Алка начала вглядываться в мраморное надгробье. И только тут она заметила, что три плитки посередине лежат как-то не так. Вроде бы все как и прежде, только лежали они немного не так. Посторонний ни за что бы не догадался, но только не

Алка.

После смерти родителей она часами просиживала здесь, тупо уставившись в одну точку, мысленно разговаривая с ними и молчаливо прося у них совета. За время этих посещений она до мельчайших деталей, до последней песчинки изучила последнее пристанище отца и матери. Поэтому она даже спронея могла с точностью сказать: сколько плиточек уложено в длину, а сколько в ширину. Какой узор на каждой из них и как эти мраморные разводы, переплетаясь между собой, создавали единую картину.

В тот раз узор был нарушен. Алка осторожно приподняла одну и ахнула. Прямо под плиткой было полое пространство, очевидно, это был промежуток между могилами. Но не это поразило ее, а то, что это пространство аккуратно было выложено металлической фольгой. То, что это место служило для кого-то тайником, было очевидно.

Алка долго размышляла и решила Сереге ничего не говорить. В конце концов каждый человек имеет право на свои тайны. А то, что он выбрал тайником могилу ее родителей, не особенно удивляло. В наше время никому доверять нельзя. Банкам и сейфам – особенно. Первые банкротятся, вторые взламывают. Квартиру его жильем можно было назвать, обладая большим воображением, а уж чтобы спрятать там что-то ценное, и говорить не стоило.

Мои! А почему бы и нет? Мертвецам можно доверить любую тайну, они не продадут! Сереге она так ничего и не

сказала, а потом и забыла вовсе. И если бы не тетя Марина, то и не вспомнила бы никогда.

Но вопреки ожиданиям тайник был пуст. Сколько она ни шарила, так ничего и не нашла. Уложив все на место, она пошла к выходу. Мысли одна тревожнее другой терзали ее всю дорогу.

Подъезжая к своей остановке, Алка решила не выходить, а проехать еще две – до Колькиной берлоги. Может, хоть сегодня застанет его дома. Алка тяжело вздохнула.

После смерти родителей он стал для нее опорой и надеждой во всем. Она ни разу не видела его злым или недовольным. Он всегда ей улыбался, старался утешить или побаловать чем-нибудь. Но после той роковой ночи, когда погибла Лариса, все круто изменилось. Николай замкнулся, ушел в себя. В Алкину сторону даже не смотрел, считая ее косвенной виновницей происшедшего. А потом запил... Будучи трезвым, обходил ее дом стороной, а пьяный приходил, плакал навзрыд, как ребенок, и начинал жаловаться на всех и вся. Выклянчив у сестры деньги, гладил дрожащей рукой ее по голове и уходил.

Алла вздохнула: что с нами делает жизнь! Как часто получается, что самый родной и близкий тебе человек вдруг, в одночасье, становится чужим, и сколько бы ты ни бился, ничего не меняется, а он отходит все дальше и дальше, и достучаться до его сердца невозможно. А потом полоса непонима-

ния становится все шире и шире, постепенно превращаясь в пропасть, преодолеть которую ох как трудно! Сколько за это время Алла сделала попыток вернуть расположение брата, но натыкалась на стену молчания и непонимания. Колька никого к себе близко не подпускал: ни к своим мыслям, ни к своему сердцу. Она знала, что он по-прежнему любит ее, но болью своей делиться не собирался, да и ее печали взваливать на себя не спешил.

Автобус фыркнул и остановился как раз напротив дома, где жил брат. Окна его квартиры приветливо светились.

– Проходи, сестренка! Сейчас кушать будем, – суетливо помогая ей раздеться, Колька зачастил. – Я как раз о тебе вспоминал. У тебя там в доме какое-то ЧП. А тут ты еще пропала. Я тебя вчера весь день искал, волновался.

– Коль! Это ты или нет, а? – Алка в недоумении уставилась на брата.

Колька обиженно засопел:

– Ты что мне, чужой человек? Сначала находка твоя, потом эти крутые объявления... с любимым твоим, – последние слова он почти выплюнул. – Потом труп у твоей двери. Я тут весь на нервах! Где тебя носит? А может, ты мужика себе нашла?

– Ага! На фоне общих событий романтической истории как раз и не хватает, – Алка потянулась и зевнула. – Да я согласна каждый день попадать в подобные истории, лишь

бы видеть тебя в добром здравии.

Увидев вытянувшееся Колькино лицо, она заулыбалась:

– Да шучу я, шучу! А вообще-то ужасно приятно видеть тебя трезвым и знать, что ты за меня волнуешься, – Алка потерлась о плечо брата и вздохнула. – А вчера меня Володька Самохин спрятал. Коль, а что покушать-то есть, у меня живот подводит.

Готовил Колька отменно. Сказалось то, что рано стал сестре за няньку. И сейчас, глядя на уплетающую за обе щеки Алку, самодовольно ухмылялся:

– Нравится?

– Угу! – с полным ртом протянула она, потом, прожевав, добавила: – Я всегда удивляюсь, как ты почти из ничего ухитряешься приготовить такую вкуснятину?

– Так для родного же человечка старался! – лаская взглядом сестру, обронил Колька. – Ты ешь получше! А то одни глазищи остались!

– А ты чего не ешь? – Алка замерла и подозрительно уставилась на брата. – Что, на сухую не лезет?

– Да ладно тебе, – Колька отмахнулся от нее. – Я как в тот раз ушел от тебя, так ни разу и не выпил. С Володькой встречался, долго разговаривал.

Он внимательно посмотрел на сестру:

– Кстати, Ал, а где Серега?

– Хотела бы я знать! – она от возмущения даже приподнялась на стуле. – И вещь у меня забрал и смылся!

– Да ладно тебе, не перегибай! – Колька потер шею. – Я боюсь, не случилось бы чего с ним.

– А что с ним может случиться-то? – Алка фыркнула. – Он ничего не находил.

В тот вечер они долго разговаривали, впервые за последние пять лет. Алка не могла поверить в происходящее. Разговор заходил обо всем, кроме одного: той ужасной ночи, которая перевернула всю их жизнь.

Даже про Стасика Колька спрашивал, чем удивил и ужасно обрадовал ее. Смеялся вместе с ней над его детскими шалостями, утверждая, что этим тот пошел в мать. Алка кинулась оспаривать, и кончилось тем, что они, как в детстве, начали кидаться подушками.

Много позже, глядя в темноту, Алка заплакала: она вдруг поняла, что вновь обрела брата. Уткнувшись в подушку, чтобы не разбудить его, она вздрагивала от беззвучных рыданий.

– Малыш, ну ты чего? – на плечо ей легла рука брата. – Не надо, успокойся.

Алка, глотая слезы, прошептала:

– Коленька, миленький, если бы ты знал, как я скучала по тебе! По такому, какой ты сейчас! По такому, какой ты был всегда!

– Ну, плакса! – протянул Колька дрожащим голосом, гладя ее по голове. – Перестань, успокойся! Все хорошо!

Алка уставилась на него в темноте, пытаясь уловить вы-

ражение его лица:

– Колюнь! Ты ведь вправду любишь меня со Стасиком?!

Ведь так?! – она опять заплакала.

– Ну а кого мне еще любить, по-твоему, дуреха! – Колька поцеловал ее в лоб. – Давай спать. Дни предстоят напряженные.

Потрепав ее взлохмаченные волосы, он продолжил:

– Я не хочу, чтобы ты влезала во все это дерьмо! Дело это еще хуже, чем я мог предположить!

– А откуда ты знаешь? – она попыталась приподняться, но он придержал ее за плечи.

– Спи, говорю! А то ремня получишь. Я ж тебе говорил, с Володькой долго разговаривал. Всех тонкостей он мне не открыл – не имеет права. Но кое-что пояснил. Дела плохи!

– Вот елки-палки! Мне и Серега говорил, что дело – дрянь!

Алка закуталась в одеяло и замурлыкала, как котенок:

– А я теперь ничего не боюсь, раз за меня горой такие мужики стоят.

– Ну, ты не очень-то расслабляйся, – ухмыльнулся в темноте Колька. – Все, что от тебя требуется: сидеть тихо и не высовываться. Поняла?

– Ага, – сонно пробормотала Алка...

Истинное значение его слов она поняла только утром.

Когда проснулась, брата уже и след простыл. Постель была

аккуратной стопочкой сложена на кресле. Завтрак стоял на столе, накрытый полотенцем.

– Умничка! – напевая, Алка приняла душ и набросилась на завтрак.

Пока она ела, ее не отпускало предчувствие, что она упустила что-то. Но вот что – никак не могла понять. Убирая продукты в холодильник, поняла: ключи! Он вчера ничего не сказал про ключи! Алка бросилась к двери. Так и есть – она заперта!

– Вот так братик! Вот так умничка! – она принялась колотить по закрытой двери. – Не высовываться! Куда ж здесь высунешься – пятый этаж!

Весь день она слонялась по квартире, не зная, чем себя занять. Несколько раз принималась смотреть телевизор, но выключала – когда находишься в таком раздражении, тяжело сосредоточиться. Колька так и не появился. Проснувшись утром и посмотрев на пустой диван напротив, Алка начала в остервенении мутузить подушку: «Вот гад! А если он запил?! Мне что, здесь сидеть до скончания века?!» Хотя в глубине души была уверена, что запить он не мог. И если он так поступил с ней, значит, причина была более чем уважительная.

Повздыхав и посокрушавшись по поводу мужского вероломства, Алка решила: «Коль уж я выступаю в роли заключенной, надо сделать так, чтобы не было мучительно стыдно

за бесцельно проведенное время!»

Решив привести Колькину квартиру в надлежащий вид, она не понимала, какой труд взваливает на себя. К вечеру третьего дня заточения силы ее были на исходе. Но надо сказать, усилия не пропали даром – квартира сияла. Окна, двери, кафель – все поражало идеальной чистотой. Алка не пропустила ни одного уголка, не оставила ни одного грязного лоскутка в Колькиной берлоге.

Потягивая чай на кухне и устало оглядывая плоды трудов своих, она размышляла вслух:

– Пора бы уж ему и появиться, хлеб кончается, однако!

Словно в ответ на ее мольбы, ключ в замке заворочался, дверь распахнулась и Колька вырос на пороге собственной персоной.

– Привет! – угрюмо поздоровавшись, он начал раздеваться.

Алка совсем было раскрыла рот для язвительного приветствия, но, увидев его трехдневную щетину и запавшие глаза, быстро прикусила язык.

Колька бросил пакет на кухонный стол, тяжело опустился на табуретку и вздохнул:

– Ну, как ты тут? Сильно меня ругала-то?

– Нет, – буркнула Алка, разбирая пакет. – Хорошо хоть хлеба догадался купить. А то хотела с балкона орать: «Люди, принесите хлеба!!!»

Колька устало заулыбался, оглядевшись, заметил:

– А порядок-то какой навела! Умница ты моя! А то живу, как в хлеву.

– Кто ж тебе виноват? – возмутилась было Алка, но, смягчившись, попросила: – Ну, рассказывай! Что нового в городе?

– Стреляют, – на манер известного киногероя протянул Колька.

– Как стреляют? – опешила Алка. – По-настоящему?

– По-настоящему, – передразнил ее брат. – Нет, понарошку.

Помолчав, добавил:

– Да! Железка эта дорогого стоит! Такой поднялся тарарам, что и не понять: где свои, а где чужие.

– А ты-то за кого, Коль? – заерзала Алка. – Можешь мне рассказать-то хоть все как следует?

– За кого, говоришь? – хитро прищурившись, Колька смотрел на нее в упор. – Это как посмотреть! Смотри кого считать своими, а кого чужими. Вот так-то вот, сеструха.

– Ты мне загадками тут не говори, – рассердилась Алка, – Неужели нельзя рассказать все по-человечески?!

– Ладно, не тарыхти, – миролюбиво бросил Колька, на ходу снимая рубаху. – Я пойду себя в божий вид приведу, а ты подсуепись тут: собери на стол. Три дня толком не ел.

– Кругом одни командиры, – бурчала Алка в закрытую дверь ванной комнаты.

Но на стол оперативно все собрала и чистое белье брату

приготовила, а в хитрой ее головке зрел и быстро разрастался план. «Только бы себя не выдать! – размышляла Алка. – Из него ведь слова не вытянешь, – оправдывала она себя. – Это что же получается: все самое главное опять без меня? Жди потом долгие лета, когда правда всплывет наружу. Нет уж, хватит!»

Сытый и подобревший Колька весь вечер трепался обо всем, но только не о том, что по-настоящему интересовало Алку. Она как могла подыгрывала ему, чтобы усыпить бдительность. «Давай, давай!» – злорадно думала она. Натрепавшись вдоволь обо всем и ни о чем, Колька захрапел. Алла убрала все в кухне, постирала его вещи и тоже улеглась.

Мысли одна тревожнее другой лезли в голову. Она ворочалась с боку на бок, стараясь не уснуть.

Когда дыхание брата стало совсем ровным, Алка потихоньку выбралась из-под одеяла. На четвереньках подобралась к Колькиным брюкам и вытащила ключи, затем сгребла в охапку свою одежду и поползла на кухню. Там, лихорадочно озираясь, Алка быстро оделась. Когда начала поворачивать ключ в замке, то ни с того ни с сего ее разобрал смех.

«Вот дура-то. Сейчас он проснется, опять под арест сядешь», – эти мысли подействовали отрезвляюще. Уже сбегая по лестнице, Алка посмотрела на часы, они показывали половину первого.

Путь от Колькиного дома до ее занял добрых полчаса. Одному богу известно, сколько раз она замирала в тени заборов

и деревьев, слыша чьи-нибудь голоса. Потом, когда тревога оказывалась ложной, кралась дальше.

Двор ее дома был погружен во мрак. Светилось только одно окно, и это окно было Серегино. «Ага! – злорадно усмехнулась Алка. – На ловца и зверь бежит! Сейчас мы с тобой побеседуем! Вот только домой заскочу на минутку».

Делать ей этого не следовало. Поняла она это, лишь включив свет в комнате. На ее любимом кресле развалился старый знакомый. Игорек щурился от яркого света и пытался изобразить приветливую улыбку:

– О! Какие люди! Мы тут заждались тебя, дорогуша. Ну что за неуважение к почтенной публике.

– Слышь, Игорек, давай я ее поучу хорошим манерам, – проскрипел Лысый, приподнимаясь с пола.

– К-как вы сюда попали? – пяясь, заикалась Алка.

Они дружно заржали.

– Я же говорил тебе, что наша встреча не последняя. – Игорек противно прищурился. – А я редко обманываю.

– Проходи, малыш, не стесняйся, – сзади пахнуло перегаром.

Оглянувшись, она уставилась в пьяные глаза Влада:

– А, и ты здесь. Ну как же без тебя.

Он подтолкнул ее на середину комнаты, а сам плюхнулся на диван, держа в руках початую бутылку коньяка и рюмку. Алка задохнулась от возмущения:

– Мало того, что вламываетесь без приглашения, так еще и коньяк мой жрать вздумали. Кто позволил?

– Забыл спросить, – цинично усмехнувшись, Влад наполнил рюмку. – К тому же с этим местом у меня связано много приятных воспоминаний, не отметить своего возвращения я не мог.

– А ты и не вернулся! – Алка вскинула подбородок. – А насчет приятных воспоминаний... Не так уж их и много.

Ей не следовало так говорить, потому что в следующее мгновение Влад уже стоял перед ней:

– Не много, говоришь. Ну так мы можем пополнить, не так ли?

Голос его стал обманчиво ласковым, Алка судорожно сглотнула, такого она боялась его еще больше:

– С женой своей пополняй, понял! И вообще, оставьте меня в покое!

– Хорош, Влад. Потом будешь выяснять. Мне нужно то, за чем я приехал. – Игорь встал и подошел к Алке. – Давай, детка, напрягись и вспомни: куда ты дела микросхему? Проблемы не нужны никому. Отдаешь микросхему, и расходимся по-хорошему. О'кей?

– О'кей! Только я не знаю, о чем вы.

Его лицо побагровело, и он рявкнул:

– Все ты знаешь! Не будь дурой, а то Лысый поработает с тобой так, что тебя родная мать не узнает!

– Она и так не узнает! Она давно умерла, – Алка зареве-

ла. – С чего вы взяли, что то, что вы ищете, у меня?

– Да с того, что мне позвонили и сказали, что ты нашла мой бумажник в луже почти неделю назад. – Игорь занервничал. – Почему-то ни на кого другого не сказали, а на тебя, улавливаешь?

У Алки просто рот раскрылся, немного справившись с удивлением, она сказала:

– Улавливаю! А кто звонил-то?

– Не знаю! Черт! – Игорь начал терять терпение. – Давай, Лысый, ищи.

Последующие полчаса Лысый усиленно превращал ее квартиру в свалку мусора. Он вспарывал подушки, одеяла, вытряхивал все из шкафа. Потом перешел к книжным полкам. Поочередно вытряхивая каждую книгу, он небрежно бросал их на пол. Алка молча плакала, глядя на этот беспредел. Поначалу принялась было скулить, но получила пинком в бок и теперь глотала слезы молча.

«Сволочи! Сволочи!» – про себя Алка посылала на их головы все страшные проклятия.

Обыск между тем продолжался. Лысый методично переходил от одной вещи к другой. Игорек метался, как тигр в клетке, а Влад накачивал себя коньяком, бросая сальные взгляды в ее сторону и делая непристойные движения бедрами. На что Алка презрительно кривила губы и отворачивалась.

Происходящее все меньше нравилось ей: «Ну что тебе

нужно было, идиотка! Не сиделось тебе у Кольки, да?! Все правды хотела?! Что хотела, то и получила! Подожди, это только начало!» Сердце ее тоскливо сжималось от одной мысли о том, что они с ней могут сделать. Рассуждая сама с собой, она не сразу обратила внимание на то, что обыск прекратился, и все трое мучителей в недоумении уставились на нее.

Алка попыталась сосредоточиться на происходящем:

– Ч-что? – заикаясь, пролепетала она. – Ч-чего уставились?

– Ха-ха-ха, – противно хихикал Лысый, держа в руках какую-то фотографию. – Вы только посмотрите! Кажется, у нас есть наследник!

Алка похолодела, она узнала фотографию сына. Боже мой! Ведь она же все фотографии отвезла к Надежде! Как она забыла про эту! На снимке Стас был крупным планом снят на фоне новогодней елки, где она с ним была в этом году. Там, как никогда, он был похож на Влада.

– Влад! Ну-ка подойди сюда, – продолжал ерничать Лысый. – Если это не ты, то твой сын точно.

Игорь, мгновение подержав фотографию в руках и пожав плечами, протянул ее Владу:

– Нет сомнений. Твой пацан. А ты не отвлекайся, ищи дальше.

Влад медленно встал, взял снимок в руки и начал внимательно изучать его. На его лице не отразилось никаких эмо-

ций, разве только удивление. Так же медленно подойдя к Алке, он рывком поднял ее с пола:

– А ну-ка, сучка, расскажи мне – кто это?

Глядя в его мутные глаза, Алка поняла, что он сильно пьян.

– Я не собираюсь разговаривать с пьяным бандитом!

– Да что ты?! – он ослабился. – А с каким бандитом ты будешь разговаривать? Может быть, с голым? – и он начал медленно расстегивать ремень.

– Нет! – Алка завизжала и попыталась вырваться. – Пусти меня, животное!

Игорь приостановил свое кружение по комнате:

– Закрой ей пасть! Ментов еще тут не хватало! И так они два дня ее хату пасли. – Оглянувшись на Лысого, он спросил: – Ну, долго еще?

– Почти все. Сейчас еще за тумбочкой посмотрю, и можно сваливать, – он начал сдвигать тумбочку, на которой раньше стоял телевизор, теперь нашедший себе место на полу.

– Игорьь, давай сюда, быстрее, – в голосе Лысого было столько ликования, что сомневаться не приходилось: он что-то обнаружил. – Вот сука! Мозги нам сушила сколько, а!

Влад оторвался от нее и примкнул к своим друзьям, которые усиленно что-то разглядывали на открывшемся их взору пространстве.

Алка боялась пошевелиться, предчувствия были самыми паршивыми. И как водится, предчувствия не обманули ее.

Застывшим от ужаса взглядом она следила за приближающимся Игорем. В руках он держал свое портмоне и неумолимо надвигался на Алку.

Мозг отказывался переваривать происходящее: «Откуда, когда?! О господи! Что теперь со мной будет?!»

Лихорадочный бег мыслей был прерван пощечиной. Алка откинулась назад, больно ударившись головой о стену, и заскулила:

– За что? Я ничего не знаю!

– Откуда это у тебя? – тщательно выговаривая слова, Игорь придвинулся к ней почти вплотную. – Что скажешь про мой бумажник?

Дважды ударив им Алку по лицу, он рявкнул:

– Убью, сука! Говори, где микросхема?

Размазывая кровь по лицу, Алка стонала:

– Ты мне нос разбил, гад! Я ничего не знаю! Клянусь! Меня подставили!

Она сжалась в комок на полу, ожидая новой серии ударов, но их не последовало. Алка осторожно приподняла голову. Влад что-то вполголоса втолковывал Игорю, тот озадаченно хмурился. Потом, очевидно, придя к единому мнению, они пожали друг другу руки, и Игорь сказал уже громче, кивая в сторону Алки:

– Слышь, стерва! Мы уходим, но не все! Пусть с тобой тут твой бывший е... разберется немного, – и, присев перед ней на корточки, пояснил в самых непристойных выражениях,

как с ней собираются разобраться.

– Если он не сумеет из тебя вытянуть все как надо, то мы с Лысым к нему присоединимся, поняла? – с этими словами он задрал ей на голову свитер и больно сдавил грудь.

Алка задохнулась от боли.

– А ты ничего! – Игорь рванул бюстгальтер. – Ух ты! Классные сиськи!

Он хохотнул:

– Может, останемся, а? Что скажешь, Лысый?

– Пошла она к... Из-за нее торчу в этой дыре вторую неделю, – он презрительно плюнул в сторону Алки.

Оттолкнув ее от себя, Игорь приподнялся и отряхнул брюки, потом, не глядя на Влада, бросил:

– Смотри, не рассоплишься тут! Миссия на тебя возложена, сам знаешь... Мне схема нужна через два дня, край! Иначе трупами все тут усею! Твой будет первым, слышишь, сучка?!

Алка лежала запеленутая в свитер и дрожала. Ей было больно и страшно. Шаги Влада раздавались то у самой головы, то в кухне. Сколько это продолжалось, она не знала. Внезапно шаги стихли. Алка попыталась выпутаться из свитера, это давалось ей с трудом. Тогда она с остервенением стащила его через голову и отбросила в сторону. Присела у стены и огляделась. «Да, полнейшая разруха, – с горечью думала она. – Вот так, сынок! Наше с тобой гнездышко разру-

шено! – Глаза опять наполнились слезами. – Сколько труда и сил понадобилось, чтобы создать здесь уют, а за какой-то час все разгромлено».

– Не плачь, малыш! Жалеть-то тут не о чем, – Влад стоял, облокотившись о притолоку, и с ухмылкой смотрел на нее. – К тому же может случиться так, что эта квартира тебе больше не понадобится!

В последней фразе было столько загадочности, что Алка невесело усмехнулась:

– Понимаю, не дура. Рядом с моими родителями пропишете.

Ничего ей не ответив, Влад сел на диван и уставился на нее в упор. Под его взглядом ей стало очень неудобно. «Господи! Я же почти голая!» – лихорадочно пытаюсь натянуть на себя лоскутки, запаниковала Алка.

– Не трудись. У меня было время рассмотреть тебя, – он лениво облокотился на подлокотник. – Надо сказать, что увиденным я доволен.

– Мерзавец, – с презрением бросила она.

– Допустим. Это ничего не меняет, – он заворочался, устраиваясь поудобнее. – А теперь ты ответишь на ряд вопросов. И я должен тебя предупредить...

– Ничего я не знаю! – перебила его Алка. – Я уже сказала, что понятия не имею, кому надо меня подставлять! Так что отстань от меня!

Он, казалось, не слышал ее:

– Так вот, я должен тебя предупредить. Если мне не будет нравиться твой ответ, я буду тебя наказывать...

– Бить будешь, изверг?! – ахнула Алка.

– Ну зачем же сразу бить. Есть много других способов наказания, – он встал и, приблизившись к ней, опустил на пол. – Особенно, если объект наказания столь хорош собой.

Алка вжалась в стену:

– Не смей ко мне прикасаться! Я не хочу!

Улыбка Влада стала еще более откровенной:

– Не буду! Если ты будешь умницей. – Вытянув ноги по обе стороны от нее, он продолжил: – Ну что? Поехали?

Подтянув колени к подбородку и судорожно облизав губы, Алка промолвила:

– Спрашивай!

– Вот и умница, – он полез в карман и извлек фотографию сына. – Кто это?

– Стасик!

– Я понимаю... Я спрашиваю, чей это ребенок? – прищурившись, он уставился на нее в упор.

– М-мой, – избегая смотреть ему в глаза, заикалась Алка. – М-мой с-сын.

Затем, набравшись решимости, она подняла глаза и прошептала:

– И твой тоже.

Резко качнувшись вперед, Влад прижал ее к стене:

– Почему? Почему я не знал об этом?

– Потому что ты смылся, как только приехал твой адвокат! – она оттолкнула его и, вскочив, начала метаться по комнате. – Потому что ты был женат! Потому что, как ты изволил выразиться, у тебя таких, как я, на каждом вокзале по десятку. Потому что, черт бы тебя побрал, ты даже не удосужился встретиться со мной, а трусливо бежал, поджав хвост! А я умирала от неизвестности и тревоги за тебя! Я любила тебя! Я одна восстала против всех! А ты... Ты предал меня!!!

Алка заплакала, уткнув лицо в ладони. Прошлое вновь надвинулось на нее с такой отчетливостью и болью, что стало трудно дышать. Влад оторвал ее руки от лица и попытался заглянуть ей в глаза:

– Ты чего городишь-то? – голос его стал совершенно серьезным. – Получается, что я тебя бросил, что ли? Да я даже не знал, где ты. Не знал, что ты беременна.

Алка оттолкнула его от себя:

– Ни о чем не хочу говорить сейчас. Я устала, вымотана до предела. Мою квартиру разорили, меня избили. Теперь меня допрашивают. Оставьте меня все в покое!

Она обессиленно бросилась ничком на диван. Влад молча стоял над ней, потом, осторожно присев рядом, положил руку ей на плечо и тихонько потрепал:

– Я не буду пока о прошлом, слышишь, Алк!

– Ты впервые назвал меня по имени. – Резко развернувшись, она вглядывалась в его лицо. – И что значит твое «пока»? Я вообще не хочу об этом говорить, никогда! Прошло

пять лет. Долгих пять лет. Пять лет одиночества и страданий!

Губы ее опять задрожали, она упала на спину и поднесла руку к глазам. Потом глухо обронила:

– Что ты хотел еще узнать?

– Я? – Влад пожирал ее взглядом. – Я, как тот Серый Волк, хотел бы всю узнать тебя получше!

Он припал к ней, как припадают к источнику в пустыне:

– Детка, детка! Как я скучал по тебе, – шептал он, срывая с нее обрывки бюстгальтера и лаская ее тело горячими губами.

Как будто со стороны слышала Алка свое прерывистое дыхание:

– Влад! Остановись, прошу тебя! – она попыталась оттолкнуть его, но Влад, казалось, не слышал.

– Молчи, молчи, детка! Ни о чем не надо говорить! – хрипло дыша, он вскочил с дивана и одним резким движением, приподняв кверху ее ноги, стянул с них джинсы вместе с бельем.

Сбрасывая с себя брюки, он почти рычал. Алке стало страшно: «Так вот о каком наказании он говорил! Господи, он ведет себя как зверь!» Она приподнялась на локтях и попыталась отползти вглубь дивана. Влад с искаженным лицом схватил ее за щиколотки и с силой подтащил к себе, разводя при этом ее бедра.

– Прекрати! Ты сделаешь мне больно! – она запаниковала, таким его она видела впервые.

Раньше, в минуты их близости, он был нежен и внимателен. Сейчас же перед ней был совершенно другой человек.

– Владик, пожалуйста, остановись! – молила его Алка. – Я не хочу так!

– А как ты хочешь? – прорычал он ей в ухо. – Шлюха!

Движения его были резкими и сильными, но против ожидания боли ей они не принесли. По телу разливалось удовольствие. Оно все нарастало и нарастало, пока не скрутилось в жгучий комок сладострастия. Она закричала, впившись ногтями ему в спину.

Через несколько мгновений Влад скатился с нее и, не глядя в ее сторону, вышел из комнаты. Алка лежала, вытянувшись во весь рост, и смотрела в никуда: «О боже! Удовольствие-то какое! Почему же у меня раньше-то никогда так не было?» К реальности ее вернул вопрос Влада:

– Отдохнула? Одевайся! – бросив вещи ей на живот, он хмуро одевался, потом, не глядя на нее, обронил: – Какая ты странная-то стала... Опыта с кем набралась?

Алка ничего ему не ответила. Медленно одеваясь, она исподтишка наблюдала за Владом. В ее сторону он не смотрел. Это определенно ее огорчало. Потом, вздохнув как можно невиннее, она спросила:

– А зачем одеваться-то? Ночь уже на исходе, а я еще глаз не сомкнула, – капризно надув губки, она вопросительно смотрела на Влада. – Может, поспим чуть-чуть, а?

– Некогда спать. Ты давай, приступай к рассказу, – полно-

стью одевшись, Влад угрюмо на нее поглядывал. – Расскажи все про бумажник. И прекрати мне глазки строить! Черт бы тебя побрал!

Последние слова он почти прокричал. Алка задохнулась от возмущения:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.